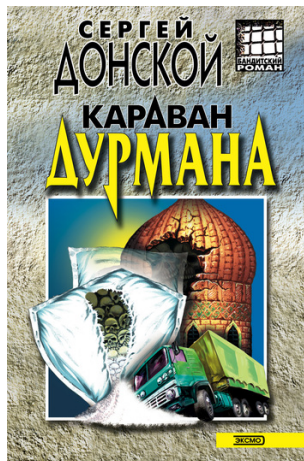

Сергей Георгиевич Донской
Караван дурмана
Серия «Майор ФСБ Олег Громов»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281152
Караван дурмана: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-01821-2*

Аннотация

Бандиты отправили в Казахстан автоколонну с оружием, чтобы обменять его на героин. Сделка прошла успешно. Только на обратном пути в Россию машины с наркотой бесследно исчезли. И надо же – среди пропавших водил оказался родной зять бывшего спецназовского майора Громова. Ну как не помочь родной дочке! Для начала он нашел бандитов и расправился с ними. Потом взял заказчика и узнал у него маршрут. Теперь осталось определить точное место, где исчезли грузовики. И майор вместе с дочерью отправился в Казахстан. Знал бы он, куда попадет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Донской

Караван дурмана

Спросил у людей: «Где герой?»

Ответили мне: «Он погиб на войне».

Другие сказали: «Он выиграл битву и теперь отдыхает».

Их слова носит ветер, но правды не знает никто.

Тао Юаньмин (365–427)

Глава 1

Степь да степь кругом

Незадолго до наступления темноты небо над степью окрасилось в совершенно фантастические цвета. Еще несколько минут назад облака напоминали то ли заурядные клубы серой пыли, то ли отару тонкорунных овец, и вдруг – хоп! – получилась страна багровых туч какая-то, а не земной пейзаж. Если подобный закат увидишь на картине, ни за что не поверишь, что такое бывает на самом деле.

Под этим пламенеющим небосводом было легко представить себя перенесшимся на другую планету, к примеру на Марс. Хотя в степи не место человеку с богатым воображением. Впечатлительным натурам тут делать нечего. В этих диких местах обитали люди совсем другого склада, ни черта не смыслящие в живописи и поэзии, но зато научившиеся выживать. Любой ценой. Всем смертям назло, а смертей этих рыскало вокруг превеликое множество.

Самые энергичные и предприимчивые из здешних жителей уже спешили к месту событий, и всем им было глубоко плевать на красоты родного края. Позади суровая затяжная зима, однако до настоящей весны еще далеко, всего лишь март на дворе. Голодно, холодно, тоскливо. Жрать нечего, печи топить нечем, источников существования – раз-два и обчелся. Трупы расстрелянных в степи водителей-дальнобойщиков – огромная удача для всех. Подарок судьбы. Весть о том, что их поубивали и побросали как попало, принес пятилетний внук старухи Кунанбаевой. Вообще-то он ходил к оврагу, чтобы наломать там сухого ковыля для растопки, а потом приволок охапку этой дряни домой, за что был нещадно бит суеверной бабкой, заголосившей на всю округу: «Смерть накличешь, дурья твоя башка! Смерть!» Ближайшие соседи, слышавшие шум, живо смекнули, что к чему, и, не тратя времени на урезонивание полоумной Кунанбаевой, кинулись в степь, торопясь опередить друг друга. Деньги у убитых наверняка отобрали нападавшие, но зато остались наручные часы, перочинные ножи, зажигалки, добротная одежда, обувь. Тот, кто несколько лет проходил в самодельных галошах из автомобильных покрышек, умеет ценить фабричные сапоги на литой подошве или китайские кроссовки, одни замечательные шнурки которых могут сгодиться для сотни разных дел. Тому, кто провел зиму в драном свитере из козьей шерсти, не терпится обзавестись кожанкой или солдатским бушлатом с меховым воротником. А тут целых семь трупов. Широкий выбор.

Если оставить себе лишь самое необходимое, а остальное сменять на продукты, то можно будет разжиться и сухарями, и вяленым конским мясом, и чаем, и даже сахаром. Впрочем, мечты о чаепитии отходят на самый задний план, как только представляешь себе десятилитровую бутылку желтоватого самогона. На столе плюется жиром сковорода с ломтиками хорошо прожаренного мяса, в руке стакан, наполненный огненной жидкостью. Вот это

праздник! Организм истосковался по выпивке. Брюхо требует, чтобы его поскорее залили спиртным и набили съестным. Под завязку. До отвала.

Воропаев, в прошлом большая шишка – начальник протезной мастерской, судорожно сглотнул набежавшую слюну и ускорил шаг. Он был еще не старым человеком, но отсутствие витаминов и недостаток калорий превратили его в задыхающуюся развалину, еле-еле переставляющую ноги. К тому же Воропаев волочил за собой самодельную двухосную повозку на велосипедных колесах, норовящую завалиться то на один бок, то на другой.

Проржавевшие колеса немилосердно скрипели и выписывали самые неожиданные кренделя. Для того чтобы заставлять их крутиться в нужном направлении, приходилось прилагать немало усилий.

– Ы-эх!.. Э-ых!..

Преодолевая рытвины и ухабы, Воропаев всхлипывал от напряжения, но упорно продвигался вперед. Ему страстно хотелось выпить, однако еще больше хотелось мяса, много-много мяса, настоящей парной свежатины, а не опостылевшей вяленой конины или вонючего бараньего жира. За поясом у Воропаева торчал острый сапожный нож, с помощью которого он рассчитывал разжиться сегодня самыми лакомыми кусками.

На свору обогнавших его собак он посмотрел с завистью, однако без особого раздражения. Бродячие псы окажутся на месте первыми, да только они начнут пиршество не с упругих ляжек, не с ягодиц трупов, а с их внутренностей. Воропаев не столь неразборчив. Он не беззубый старик, чтобы довольствоваться чьей-то порченной печенью или прокуренными дочерна легкими. У него есть тележка, есть остро наточенный нож. И огромное желание дожить до лета, когда из земли попрут всякая съедобная зелень, а разжиревшие суслики потеряют бдительность.

Сусликов на своем веку Воропаев переел множество, а человечину попробовал только однажды и остался от нее не в большом восторге. Но дикая степь не то место, где можно привередничать и перебирать харчами. Здесь кто смел, тот и съел, а кто не съел, тот протянул ноги – на радость ближним.

Переводя дыхание, Воропаев оглянулся, прищурил подслеповатые глаза. Далеко позади виднелась фигура коротконогого казаха, который уже никак не успевал прийти к финишу первым. Правда, разрыв между соперниками медленно сокращался. Если Воропаеву приходилось тянуть за собой шаткую повозку на разболтанных колесах, то казах шел почти налегке – с пустым рыжим портфелем из свиной кожи.

С этим самым портфелем он когда-то летал самолетами Аэрофлота в командировки по всему Союзу Советских Социалистических Республик. То было славное времечко! Из Актюбинска – в Усть-Каменогорск, оттуда – в Ашхабад или даже в Норильск. Калейдоскоп событий, море впечатлений. Тулиген Жизебекович являлся тогда председателем заготконторы, прилично зарабатывал и мог иметь столько женщин, сколько позволяло здоровье.

Кого только он не переимел в эпоху развитого социализма! Буфетчицы, кладовщицы, проводницы, администраторы гостиничного хозяйства – всех не перечислишь. Однажды, удачно сбыв шкуры крупного рогатого скота, Тулиген Жизебекович заманил в свой номер сразу двух балерин из Минска, а в другой раз, подзаработав на костной муке, уложил в постель настоящую актрису с киностудии имени Довженко, роскошную женщину, умевшую кричать на разные голоса и задира́ть ноги чуть ли не до самого потолка. Вот это было кино! Вот это были танцы маленьких лебедей!

Потом продажные политики предали свой народ, Союз развалился, заготконтора тоже, все пошло прахом. В последние годы Тулиген Жизебекович сожительствовал с паршивой овцой и почти перестал мечтать о чем-то большом и светлом. Он подозревал, что у него уже никогда не будет ни стада верблюдов, ни табуна лошадей, ни даже одной-единственной ладной кобылки, для общения с которой в доме имелась специальная резная скамеечка,

доставшаяся Тулигену Жизебековичу по наследству от деда, знатного чабана совхоза «Заря Востока». Скамеечка да воспоминания – вот и все, чем оставалось гордиться внуку.

Вынужденный довольствоваться дряхлой одноглазой овцой, он потерял вкус к жизни, все чаще чувствовал себя никчемным неудачником, напрасно коптящим небо. Откуда взяться уважению сородичей, если у тебя нет хотя бы тридцати голов скота или надела земли с нефтяной скважиной? Где взять деньги, чтобы обзавестись женой или безотказной лошадкой?

Еще вчера ответов на эти и другие жизненно важные вопросы не было. Но сегодня в портфеле Тулигена Жизебековича лежали плоскогубцы, и если хотя бы у одного трупа обнаружатся во рту золотые коронки, то не все потеряно. Главное – верить в удачу и не сдаваться. Это понимала даже слабоумная Верка Смердючка, ковылявшая следом за Тулигеном Жизебековичем. Писаной красавицей ее не назвал бы даже обкурившийся анаши скотовод, но в недавнем прошлом она пользовалась блистательным успехом среди местных ухажеров.

Являясь единственной молодой бабенкой в округе, Верка всегда могла рассчитывать на добрый бакшиш от навещающих ее мужчин. Любви все возрасты покорны, так что в Веркиной хибаре не переводились леденцы и махра, керосин и сушеная кукуруза. Она могла позволить себе кормить кошку требухой каждой второй забитой в округе коровы и помнила, каково на вкус сгущенное молоко. В Веркином сундучке по сей день хранились бусы из искусственного жемчуга, еще не очень дырявые колготы с искрой и набор польских теней, но все это были остатки былой роскоши. Рог изобилия иссяк.

Минувшей зимой пьяненькая Верка, удравшая в степь от заезжего прапорщика, гонявшегося за ней с офицерским ремнем, отморозила ноги. Отогретые в тепле, они начали гнить, а потом пошли язвами, в которых завелись черви и белые личинки. Единственным средством от этой напасти была человеческая моча, и Верка лечилась ею самостоятельно, потому что все ухажеры от нее моментально отвернулись. В доме установился такой невыносимый дух, что даже кошка от Верки сбежала, тем более что для нее тут наступили голодные времена.

К марту ноги у Верки Смердючки кое-как зажили, зато живот прилип к позвоночнику. Обмотав ступни кусками дерюги, она, крихтя и охая, слезла с холодной печи и отправилась в трудный путь. Для переноски добычи был прихвачен куль из конской шкуры, прошитый конскими же жилами. Такие служили казакам вместо гробов.

Померший недавно сосед слезно просил Верку похоронить его, согласно местным обычаям: до захода солнца, сидящим в мешке, семикратно замотанным в белую ткань. Но Верка отрез материи и куль сберегла, а старика закопала на огороде без лишних церемоний, в одних только соевых подштанниках, к которым и прикоснуться-то было противно.

«Покойникам все равно, куда они обращены лицами – на восток или на запад», – сказала себе рассудительная Верка.

Мертвым древние традиции – все равно что припарки, от которых никакого толку. Радуясь, если после смерти тебя землицей кое-как забросают, а то ведь оставят собакам на съедение, вот и все твое высокое предназначение.

* * *

Эти семеро, которых пощелкали в степи лихие люди, валялись вповалку. Судя по всему, расстреляли их во время привала – быстро и внезапно, а потом сволокли до кучи, чтобы добить раненых расчетливыми выстрелами в лицо. Карманы у всех вывернуты, штаны спущены до щиколоток, куртки вспороты ножами. Если у водителей и водились деньжата, то бандиты их нашли и оприходовали. Даже пальцы некоторым жертвам не поленились отрубить, заприметив на них обручальные кольца.

Не беда, решил Воропаев, гораздо хуже было бы, если бы трупы облили соляжкой и подожгли. Но бандиты пожалели горючее, так что тут одних шмоток на тыщу рублей оста-

лось. Простирнуть, высушить, заштопать – и будут как новенькие. В смысле – одежды, а не их обладатели. Убитых мужиков уже не починишь, не воскресишь. Собаки успели потрепать их немного, а им хоть бы хны. Лежат, уставившись пустыми глазами в небо, и никак не реагируют на происходящее. Все плохое, что могло с ними случиться, уже случилось.

Воропаев бегло осмотрел поле боя, но ничего примечательнее стреляных гильз не обнаружил. Фуры, которые мужики вшестером перегоняли через Казахстан, само собой, исчезли. Судя по следам протекторов, грузовиков было три. Плюс легковушка, в ней, надо полагать, ехал седьмой. Теперь никто никуда не едет. Земля под трупами пропиталась кровью. У собак, собравшихся вокруг, морды тоже в крови.

Вспугнутые появлением Воропаева, они прервали пиршество и теперь дружно облизывались, не спеша уступать добычу человеку. За минувшую голодную зиму собаки опаршивели и отощали до такой степени, что им приходилось стоять на широко расставленных лапах. Казалось, достаточно сильного порыва ветра, чтобы опрокинуть все это шелудивое воинство.

– Пшел вон! – прикрикнул Воропаев на крупного серого кобеля, скалящего зубы поодаль.

– Воф! – простуженно отозвался тот. – Воф, воф! – По всей видимости, это был вожак стаи. Заставить отступить его – значит одержать победу без боя.

– Га, га! – воинственно заорал Воропаев, размахивая своим кривым ножом направо и налево. Однако шажки, которыми он пошел на противника, были мелкими, семенящими.

– Урррунннгг... – вожак ответил человеку низким утробным ворчаньем и пригнул башку к земле.

Настоящая ночь еще не наступила, но глаза у кобеля поблескивали совершенно волчьим блеском. Воропаев вдруг понял, что напрасно он так рвался опередить остальных. Собаки ни за что не осмелились бы вести себя так нагло, окажись он тут не один.

– Поднажми, ну! – крикнул он ковыляющему вдали Тулигену Жизебековичу. – Плеться, как беременная куропатка!

Тугоухий казах не расслышал, принял возглас Воропаева за требование остановиться.

– А с какой стати ты тут раскомандовался? – возмутился он, независимо помахивая портфелем. – Ты эту степь купил, да?

– Говорю, быстрее сюда иди! – занервничал Воропаев. – Дело есть!

Половина стаи сместилась влево, явно готовясь обойти его с тыла. Остальные псы сгруппировались рядом с вожакон, их грязные загривки щетинились.

– Какое дело? – обеспокоился Тулиген Жизебекович. – Там есть живые, да? Убивать никого не стану, даже не проси. Пусть сами дышат.

– Все, кому надо было, уже передохли, – отозвался Воропаев, стараясь не выдавать голосом охватившей его растерянности. – С людьми проблем нет. Тут собаки обнаглели, понимаешь. Пугнуть надо.

– Так пугни.

Тулиген Жизебекович взмахнул портфелем, показывая, как, по его мнению, следует это проделать.

– Фу! – заорал Воропаев самым страшным голосом, на который был способен. – Пшли нах-х!..

Рыжая шавка, метнувшаяся было ему под ноги, отпрянула и залилась остервенелым лаем, подхваченным всей сворой. Серый вожак молчал. Но расстояние между ним и человеком сократилось. Нельзя было спускать с него глаз, вот в чем дело.

– Не подходи, тварь!.. Убью!..

Пятясь, Воропаев прижался спиной к своей повозке. Ему уже не хотелось мяса. Ему хотелось домой. Он тоскливо оглянулся и увидел, что проклятый казах потрусил в обратном

направлении, торопясь слиться с темнотой. В сумерках виднелась еще одна человеческая фигура, кажется, женская, но она тоже не собиралась вмешиваться в события. Нужно было выкручиваться самостоятельно.

Ага! Вспотевшая ладонь нащупала в кармане полный спичечный коробок. Это то, что надо. Собаки боятся огня. Главное, не поворачиваться к ним спиной и не убегать. Поводов для паники нет, ведь, убравшись подальше от трупов, Воропаев сразу окажется в полной безопасности. Он ведь не собирается отнимать добычу у этих одичавших тварей, он может подождать, пока они насытятся, он не гордый.

– Тихо, тихо, – забормотал Воропаев увещевающим тоном, – успокойтесь, собачки. Вы тут кушайте, а я пойду, ладно?

– Грр!

Кудлатая уродина с обрубленным хвостом попыталась цапнуть его за ляжку, но Воропаев вовремя пнул ее ногой в морду и устремился бочком в сторону, не забывая прижиматься спиной к повозке.

Вожак серой тенью двинулся следом.

Пшт! Вспыхнувшая спичка сразу погасла, пришлось зажигать новую. Засверкали отразившие ее свет собачьи глаза. Как будто гирлянду вокруг Воропаева развесили. Но ничего праздничного в этих огоньках совсем не было.

– Все, все, – приговаривал Воропаев, вертя головой по сторонам, – я ухожу, угомонитесь, черти проклятые... Оп-па!

Он метнул горящую спичку в поджарого пса, припавшего к земле у самых его ног, и попятился, выискивая свободное пространство между мерцающими в темноте глазами. Пес класнул зубами и поджал хвост.

– Ага, не нравится? – приободрился Воропаев. – Не на того напали, твари! Ишь, нюх совсем потеряли!.. Прочь! Прочь!

Пшт!.. Пшт!.. Пшт!.. Спички вспыхивали одна за другой и летели в оскаленные морды, заставляя псов соблюдать дистанцию. Воропаев уже выбрался из собачьего круга и продолжал отдаляться от опасного места задом наперед, ежесекундно зажигая свои крошечные факелы. Серый вожак, опустив морду до самой земли, следовал за ним, но уже не рычал. Просто смотрел исподлобья. Чего-то ждал. Чего?

– Ну, что уставился, волчара?! – завопил Воропаев, страдая от пережитого унижения. Его вынудила отступить горстка каких-то шелудивых псов, многих из которых он еще помнил как соседских бобиков и тузиков. – Вот изловлю тебя – и на шапку! – мстительно пообещал он, потрясая ножом. – Всех перебыю поодиночке, вы еще меня попомните!

К этому моменту две маленькие железы, расположенные в верхней части почек, вырабатывали в организме Воропаева столько адреналина, что сердце едва успевало перекачивать обогащенную кислородом кровь. Подкожные сосуды во избежание больших кровопотерь в случае ранения рефлекторно сузились. От этого дыхание Воропаева участилось до предела, а волосы на его голове зашевелились, как в те древние времена, когда шерсть его далеких предков вздыбливалась в случае опасности, придавая им более грозный и устрашающий вид.

Для одних адреналин является стимулятором страха, для других – борьбы, для третьих – бегства. Что касается Воропаева, то он был готов к любому повороту событий. Его надпочечники функционировали безукоризненно, а руки безудержно зажигали спички и разбрасывали их по сторонам, не позволяя собачьей стае перейти в наступление.

– Вот вам!.. Получайте, уроды!.. Вот!.. Вот!..

Когда под ноги подвернулась сусличья нора и Воропаев упал, больно ударившись копчиком, он скорее удивился, чем испугался. Инстинктивно поджал ноги, намереваясь то ли встать, то ли защитить пах. В этот момент ухо обожгло нестерпимой болью, и он вскрикнул, наугад ткнув ножом в темноту.

Шавка, отхватившая ему мочку уха, кубарем покатилась по земле.

Рафф! Следующая собака, ошалевшая от будоражащего запаха адреналина, вцепилась Воропаеву в левое плечо, урча от ярости и вожделения.

– На тебе!.. На!.. На!..

Отчаянно орудуя ножом, он исполосовал впившуюся в него морду крест-накрест, после чего собака отпрянула в темноту, издавая пронзительные сипящие звуки. Она терла голову лапами, как будто вознамерилась выцарапать себе глаза, и вертелась волчком, не находя себе места. Но торжествовать победу было рано. Подчиняясь неувловимому движению вожака, вся свора ринулась на человека одновременно, сатанея от собственной решимости и отваги.

Раз! – Воропаев воткнул лезвие ножа прямо в выпученный собачий глаз. Два! – отсек упершуюся ему в грудь лапу. Три! – вспорол мохнатое брюхо, покрытое репьями и сосульками грязи.

И тогда в середину свалки прыгнул серый вожак, слишком осторожный, слишком коварный, чтобы атаковать вооруженного противника первым.

Ох-х! Воропаеву показалось, что его горло схватили горячими щипцами, стиснули как следует и рванули на себя – вместе с кожей и жилами. Пальцы, сжимающие рукоять ножа, ослабли.

– Уйди! Уйди! – завопил он, но вместо крика прозвучало какое-то жалкое карканье. Проклятый кобель повредил ему голосовые связки.

Держась обеими руками за шею, Воропаев упал на спину и стал отталкивать наседающих псов ногами. Горло взмокло от уха до уха, но дело было вовсе не в том, что пасть вожака оказалась очень уж слюнявой, как отстраненно предположил Воропаев. Это хлестала кровь из вспоротых зубами сонных артерий, расположенных по обе стороны шеи. Мозг, лишенный притока крови, заработал в аварийном режиме, перемежая рефлекторные импульсы с совершенно бредовыми отрывочными видениями.

– Ох, – простонал он, отстраненно глядя на кудлатую морду, протиснувшуюся между его ног. Всякий раз, когда собачьи челюсти, приоткрывшись, захватывали очередной комок плоти и стискивались вновь, у Воропаева темнело в глазах, и он совершенно переставал видеть собак, рвущих его на части.

Вокруг стоял яростный, неумолчный гвалт, а он ничего не слышал. Вожак давился оторванным лоскутом воропаевской кожи, да только ему было уже все равно. Но он был жив, он дышал, он еще на что-то надеялся. До тех пор, пока степь не погрузилась в совершенно непроглядный мрак, в котором не было ни луны, ни звезд, ни самого Воропаева, так и не полакомившегося напоследок человечинной.

Глава 2

Тень на плетень, в результате – хренотень

Яртышников с удовольствием поерзал в своем новом кресле. Солидное, добротное, основательное, под стать обладателю. Вся эта новомодная офисная мебель не для него, не для Яртышникова. Он ведь не какое-нибудь дерьмо на палочке, чтобы вертеться туда-сюда на своем рабочем месте как заведенный. Он директор автотранспортного предприятия «Монтажник». С недавних пор весьма прибыльного предприятия. Преуспевающий директор. Прочно сидящий на своем массивном кожаном кресле стоимостью 21 086 рублей сколько-то там копеек.

Водитель-дальнобойщик за такие деньжищи должен месяца четыре без продыху вкалывать, недоедая, недосыпая. Яртышникову, чтобы заработать на свой хлеб с маслом, достаточно переговорить с нужными людьми и поставить подпись под выгодным контрактом. У него есть голова на плечах, поэтому именно под его задницей поскрипывает кожей новехонькое итальянское кресло за семьсот баксов. А его шоферыги трясутся на водительских сиденьях и до одурения крутят баранку, экономя на суточных и командировочных. Каждому свое. Яртышникову чужого не надо, но и своего он не отдаст. Это должны понимать все, тем более теперь, когда кривая успеха резко поползла вверх.

– Зоя, – утробно произнес он, утопив кнопку селектора до отказа, – долго я еще буду ждать?

– Иду-иду, Николай Петрович, – всполошилась невидимая секретарша, – тут чайник барахлил, пришлось просить ребят починить.

– Починили? – осведомился Яртышников, оглаживая пальцами гладко выбритый подбородок с ямкой.

– Починили, Николай Петрович. Вода уже закипает.

– А кипятильник у тебя имеется, Зоя?

– Имеется, – растерялась секретарша, – старенький, правда, нагревается через раз.

– Ну-ка, возьми этот старенький кипятильник, – сказал Яртышников, не сводя глаз с селекторного аппарата. – Взяла?

– Взяла...

– Теперь включи его в сеть.

– Он ведь перегорит, – заволновалась секретарша. – Кипятильник просто так включать нельзя, его обязательно в воду сунуть нужно.

– Совсем не обязательно в воду, – заверил ее Яртышников. – Сунь его себе, знаешь куда?..

В приемной сделалось тихо.

– Засунула? – осведомился Яртышников, лаская пальцем ямку подбородка.

– Николай Петрович, зачем вы так?.. Я же не виновата... Я вам сейчас чайку свеженького...

– Чай, Зоенька, можешь залить себе туда же, куда я порекомендовал тебе вставить кипятильник. Может быть, хоть это заставит тебя быть расторопнее.

Голос секретарши задрожал:

– Зачем же вы так, Николай Петрович, обидно ведь. Столько лет вам верой и правдой служу, а вы...

Слушать эти причитания было тошно. Яртышников фыркнул и отключил селекторную связь.

– У, корова старая, – проворчал он, откинувшись на спинку кресла, – курица безмозглая. Квохчет, квохчет...

Нет, надо молодую деваху завести, исполнительную, шуструю. Придя к столь неожиданному решению, Яртышников цокнул языком и скорчил значительную мину. Секретаршу нужно подобрать такую, чтобы без всякого чайника кипятком писала, от одного только желания угодить начальству. У Зои ни рвения настоящего нет, ни изюминки. Раскладывать ее на столе – все равно что резиновой куклой из секс-шопа пользоваться. Ни уму ни сердцу. Кроме того, бельишко у Зои ни к черту, а все ее сексуальные фантазии ограничиваются умением пыхтеть, как паровоз, да отдуваться под начальником. Об этом ли мечталось, когда начинал свой бизнес, добиваясь всеми правдами и неправдами приватизации заводского автопарка?

Вздыхнув, Яртышников взглянул на настенный календарь с грудастой девахой, зазывно изогнувшей стан на фоне Кремлевской стены. Белозубая, ухоженная, с серьгой на пупе. Такие в Курганске не водятся. Или в столице лицом торгуют, или за границей тем же самым занимаются. Грустно сознавать это. Слово «родина» для молодых – пустой звук. Красивая жизнь да собственное благополучие – вот и все современные приоритеты. «Нет, слишком юные и длинноногие не для меня, подумал Яртышников. Во-первых, деньги будут выкачивать почище любого пылесоса, пользуясь своими внешними данными. Во-вторых, приобретать на эти деньги всякие легкомысленные наряды и ошиваться в них по дискотекам. Тогда венерическая болезнь обеспечена, целый букет таких венерических болезней. Трихомоноз и экстази – обязательные атрибуты молодежных тусовок. «Девчонки, девчонки, короткие юбочки» – знаем мы эту песню, наслышаны».

Яртышников забросил руки за голову. Нет, секретарши должны быть замужними, это избавляет начальство от множества проблем. Ни тебе лобковых вшей, ни уговоров посидеть в ресторане. Зато сексуального опыта не занимать, а это немаловажно. Пусть новой секретарше будет даже под тридцать, прикинул Яртышников, довольный своей рассудительностью. Вот как недавней посетительнице, приходившей наводить справки о своем муже. Ладная, стройная, ухоженная. То, что нужно зрелому мужчине. Правда, у этой характерец – не приведи господь. Стала голос повышать, кулаком по столу стучать. Пришлось послать ее на хрен и вытолкать взащей. Яртышников задумчиво почесал кончик носа. Как же фамилия этой фурии? Гранова? Градова?

– Николай Петрович! – заверещал селектор Зоиным голосом. – Тут к вам на прием явились.

– Кто? – оживился Яртышников, которому давно хотелось как-то разнообразить рабочий день, внести в него свежую струю.

– Они не называются. Они... Да погодите вы, мужчина! – завопила Зоя, надо полагать, уже в спину нетерпеливому посетителю, потому что в следующее мгновение дверь распахнулась без всякого стука.

– В чем дело? – сухо осведомился Яртышников.

Стоило ему взглянуть на посетителя, и желание покрасоваться перед ним в новом кресле пропало. На пороге стоял человек не того сорта, с которым приятно коммерческие тары-бары разводить. Такой не станет нанимать грузовик для транспортировки мороженных окорочков из Кинешмы или переброски партии сельди в Кудымкар. Глядит, словно для удара примеривается, по кабинету идет, как по рингу, целеустремленно, пружинисто и почему-то совершенно беззвучно.

– Я спрашиваю, в чем дело, что вам надо? – повысил голос Яртышников. Слишком резко повысил, почти до той подростковой тональности, в которой пел по молодости лет про клен, про сиреневый туман, про «Ah, girl, girl».

Мужчина остановился у самого стола, оперся на него сжатыми кулаками и обозначил краешком губ нечто вроде улыбки. На вид ему было около сорока, плюс-минус пять лет

в любую сторону. Глядя на него, Яртышников внезапно подумал, что с завтрашнего дня необходимо приобрести какой-нибудь тренажер и заняться гимнастикой. А то некоторые типы ходят до самой старости поджарыми и мускулистыми, а ты сидишь, вывалив брюхо на колени, и завидуешь.

– Слушаю, – буркнул Яртышников, делая вид, что ничего особенного не происходит. Ну ворвался к директору автотранспортного предприятия какой-то невоспитанный тип, что тут подделаешь? Хама нужно вежливо выпроводить за порог, а следом гнать в шею нерадивую секретаршу, не умеющую оберегать покой своего босса. Вот только почему незнакомец продолжает молчать, почему не излагает цель своего визита?

Зоя, похоже, прочла мысли Яртышникова и решила их озвучить.

– Между прочим, к вам обращаются, гражданин, – громко заметила она. – Вас русским языком спрашивают, что вам тут нужно, а вы молчите, как глухонемой. Бетховен какой выискался!.. Я ему: «Стойте», – а он прет, как танк...

Окончание тирады Зоя адресовала своему начальнику, напоминая, что она не виновата в случившемся. Из носика электрочайника, с которым она вбежала в кабинет, струился пар.

Машинально отметив это про себя, Яртышников подумал, что баловаться чайком вряд ли придется. Потому что мужчина, не оборачиваясь, сунул под нос секретарше какую-то книжицу и сухо представился:

– Громов. У меня есть разговор к вашему шефу. Так что оставьте нас наедине, а чайник, пожалуйста, не забирайте. Незаменимая вещь для душевной беседы. Правда, Николай Петрович?

– Э... – Яртышникову было не так-то легко собраться с мыслями, чтобы ответить даже на такой простой вопрос. Лишь проводив взглядом потрусившую к выходу Зою, он сумел выдавить из себя нечто не слишком связное:

– При чем тут чай, интересно знать? Вы, собственно, какую организацию представляете? Позвольте взглянуть на ваше удостоверение.

– Это лишнее, – заверил его Громов, приподнимая чайник над столом. – Честно говоря, удостоверение давно просрочено и никакой юридической силы не имеет.

Яртышников выпятил влажную нижнюю губу:

– Тогда какого черта вы мне тут голову морочите? Что вы тут машете своей липовой «корочкой»?

– Дело в том, что я пришел к вам как частное лицо к частному лицу, – пояснил Громов, доверительно склонившись к самому лицу собеседника. – Я отец девушки, которая была у вас сегодня утром. Ее зовут Еленой. Фамилию она носит мою – Громова. Так вот, эта самая Елена Громова приходила навести справки о своем муже, а вы выставили ее за дверь, предварительно обложив матом. Припоминаете, м-м?

– А! – запоздало спохватился Яртышников. – А-а-а!

Кипяток в чайнике успел подостыть немного, но поток, хлынувший на брюки директорского костюма, оказался просто обжигающим. Вытаращенные глаза Яртышникова сравнялись размером с его ошпаренными яичками, а Громов продолжал как ни в чем не бывало:

– К вам нанялся поработать молодой человек по имени Андрей Костечкин. Я и моя дочь хотим знать, куда вы его отправили и почему он до сих пор не вернулся из рейса. Это все, что нас интересует.

– О! – страдальчески выкрикнул Яртышников, тряся руками, которыми попытался прикрыть мокрую промежность. Кипятка в чайнике оставалось с избытком, и проклятый Громов явно не собирался ее экономить.

– Звали, Николай Петрович? – Зоино лицо, просунувшаяся в щель приоткрытой двери, выражало тревогу и недоумение.

– Закройте дверь с той стороны и позаботьтесь о том, чтобы нам не мешали, – жестко произнес повернувшийся к ней Громов.

Зоя с видимым облегчением исчезла. Кто она такая, чтобы перечить человеку, представившемуся сотрудником ФСБ? Если сам шеф только пучит глаза и покорно терпит грубые выходки посетителя, то не секретарше учить его хорошим манерам.

– Итак? – спросил Громов, когда дверь в приемную бесшумно закрылась.

На пистолет, выхваченный Яртышниковым из ящика стола, он посмотрел так, словно это был какой-нибудь канцелярский степлер, – мельком, без всякого интереса. После чего сосредоточил мрачное внимание на бегающих глазах собеседника.

Яртышников понял, что зря он хватался за оружие, пока Громов общался с секретаршей. Ему еще никогда не приходилось стрелять в людей, и теперь, сжимая в потной ладони рукоять «вальтера», он начинал подозревать, что уродился не бесшабашным героем вестерна, у которого палец всегда на спусковом крючке.

– Убирайтесь отсюда! – потребовал он без особой уверенности в голосе.

– Разрешение на хранение оружия имеется? – скучно полюбопытствовал Громов, продолжая стоять напротив как ни в чем не бывало.

– Представьте себе, имеется, – заверил его Яртышников.

– А лицензия на убийство?

– Лицензия?.. На убийство?..

– Ну да. Если вы не агент 007, то вы не можете вот так просто застрелить не понравившегося вам человека. – Громов насмешливо прищурил глаза. – Это чревато сроком от пяти до десяти лет. Конечно, если в ваших действиях не будет обнаружен корыстный мотив. В противном случае тут пожизненным пахнет.

– Какой еще корыстный мотив? – занервничал Яртышников. – Что вы мелете! Это самооборона.

– Я безоружен, – укоризненно напомнил Громов. – Чайник не может считаться оружием нападения. Но если вы сейчас же не уберете свою пушку, то я этим чайником нанесу вам столько тяжких увечий, что весь медперсонал больницы сбежит, поглазеть на своего нового пациента. – После секундного размышления он предположил: – Скорее всего, это будет травматологическая поликлиника, отделение сложных переломов.

– Да что же это происходит такое, а? – надрывно спросил Яртышников у грудастой девицы с календаря. На Громова он старался не глядеть. Совершенно безумный тип с полыхающими белым огнем зрачками. Не только застрелить его не получается, но и напугать тоже. Даже при наличии взведенного «вальтера», снятого с предохранителя.

Полиграфическая красotka никак не откликнулась на страстный призыв хозяина кабинета. Ей было глубоко плевать на его страдания. И когда Яртышников получил оплеуху сначала справа, а сразу вслед за этим слева, девица как ни в чем не бывало продолжала демонстрировать свою фигуру – единственное занятие, которое приносило ей деньги и удовольствие.

Яртышников машинально схватился обеими ладонями за пылающие щеки, тупо отметив про себя, что пистолет из его правой руки исчез. Когда именно это произошло, сообразить не удавалось. После пары полновесных затрепанных мозги в голове Яртышникова перевернулись, что называется, набекрень. Но очередной вопрос, адресованный ему, он расслышал:

– Куда вы снарядили Костечкина, Николай Петрович? Что вам известно о его местонахождении? Только не пытайтесь тень на плетень наводить, это может плохо кончиться.

Яртышникову вспомнились нехстати фильмы, где людей подвергают допросу на детекторе лжи. Он понятия не имел, по какому принципу работает эта штукавина, но точно знал, что обмануть ее почти невозможно. Точно так же, как ворвавшегося в его кабинет Громова, который пренебрежительно сунул конфискованный пистолет в чайник с водой и теперь вни-

мательно смотрел на собеседника. Ждал ответов на свои вопросы? Примеривался, как бы побольней ударить свою жертву снова? Когда Яртышников заговорил, его речь была торопливой, как у отличника, назубок выучившего свой урок. Он говорил, говорил, говорил, а Громов не только не перебил его ни разу, но еще и заставил повторить рассказ, только уже по возможности кратко и без лишних эмоций.

Из груди Яртышникова вырвался истерический смешок. Без лишних эмоций? После того, как тебя обварили кипятком и надавали по ушам, как будто ты не директор автотранспортного предприятия, сидящий в кресле за семьсот баксов, а проштрафившийся мальчишка? Когда штаны у тебя мокрые, а твой грозный «вальтер» торчит из чайника, словно негодный пугач?

Но все же Яртышников очень постарался, чтобы ненавистный посетитель остался на этот раз доволен. Выносить его присутствие было с каждой секундой все труднее, хотя вода в чайнике давно остыла, а руки Громова больше не мелькали перед глазами. Так что Яртышников успешно справился с заданием и едва сдержал стон облегчения, когда визитер удовлетворенно кивнул, прежде чем предупредить напоследок:

– О нашем разговоре никому. Честно говоря, мне не хотелось бы встречаться с вами вновь, да и вы, Николай Петрович, полагаю, не горите таким желанием, м-м?

– Не горю, – согласился Яртышников, незаметно щупая ляжки, облепленные мокрыми штанинами.

– Тогда прощайте.

Громов развернулся на каблуках и зашагал к выходу независимой походкой человека, который никому ничем не обязан. Наверное, у него были стальные нервы, но Яртышникову стоило немалого труда высидеть на месте ровно столько времени, сколько потребовалось Громову для того, чтобы выйти из офиса. Едва дождавшись, пока за окном хлопнет автомобильная дверца и заработает включенный двигатель, Яртышников порывисто вскочил со своего подмоченного кресла и ринулся в приемную, вопрошая на ходу:

– Кто это был? Кто он такой, я спрашиваю?

– Громов, – пискнула Зоя, опасливо косясь на мокрые брюки шефа. – Так написано в его удостоверении.

– Плевать мне на его удостоверение! – заголосил Яртышников, метнувшись к окну, чтобы проводить взглядом отъезжающие «Жигули» мертвенно-бледного цвета. – Оно у него недействительное, он сам признался. Меня не фамилия его волнует, а он сам! Откуда он взялся на мою голову? Что за хренотень такая происходит, а?

Не зная, что ответить, Зоя поступила так, как поступило бы 99 процентов женщин на ее месте, то есть попросту захлопала накрашенными ресницами.

Совершенно разумное решение. Когда чего-то не знаешь наверняка, лучше помалкивать. А если ненароком проведаешь о том, чего тебе не следовало знать, то лучше вообще откусить себе язык, чем сболтнуть что-то лишнее.

Молчание – не просто золото. Это еще и залог долгой жизни и крепкого здоровья.

Глава 3

Не для широкой огласки

Что толку задавать глупые вопросы? Какая могла быть Яртышникову польза от того, если бы даже он выяснил, кто именно побывал в его кабинете?

Лучше бы ему оставаться на этот счет в полном неведении, честное слово. Пропустить мимо ушей названную фамилию Громов. А если уж Яртышников ее отчетливо расслышал, то хорошо бы ему поскорей забыть, как она звучит, и представить себе, что наведалься на автотранспортное предприятие никакой не Громов Олег Николаевич, а случайный незнакомец. Человек ниоткуда. Неизвестно кто. Имярек Икс Игрекович.

Лицом этот черноволосый мужчина чем-то смахивал на заматеревшего Ганжу из древнего телефильма «Большая перемена». Его молодость, кстати, тоже пришлась на советскую эпоху. Но и тогда он не озорничал, не валял дурака и не зубоскалил на каждом шагу, как это делал киноперсонаж, с которым он имел чисто внешнее сходство. Ему не было и восемнадцати, когда окружающие стали замечать, что губы этого странного юноши плохо приспособлены для чарующих улыбок, зато в моменты ярости его глаза способны раскаляться добела.

В обычном состоянии эти светло-серые зрачки сохраняли ровный оттенок зимнего неба, и от них действительно веяло холодом, но это обстоятельство, как ни странно, не отпугивало, а притягивало женщин. Они появлялись и уходили, сменяя друг друга, опять появлялись и вновь оставались на бобах, но почти каждая из них сохраняла свои заветные воспоминания об этом неулыбчивом человеке.

Уж очень широкой была его безволосая грудь в сравнении с почти мальчишескими бедрами, уж слишком трудно было представить его спешащим на свидание с коробкой конфет и бутылкой шампанского, чтобы вот так взять и выбросить его из головы, смирившись с тем, что в жизни существуют мужчины совсем другого сорта. Мужчины, у которых есть деньги, власть, слава, но нет умения жить так, словно каждый день для них последний. У которых руки или слишком мягкие, или же слишком твердые, но не такие, какими они должны быть. С которыми можно поговорить о чем угодно, но никогда не услышать в ответ на свои жалобы невозмутимого: «М-м? Все так плохо? Мир переделывать я, конечно, не возьмусь, но кое-что подправить в нем попробую».

Враги близких Громову людей становились его личными врагами. Ледяная учтивость, с которой он обращался к недругам, была поистине пугающей. Если Громов называл кого-то на «вы», а этот человек не являлся его начальником, стариком или случайным встречным, то такая вежливость свидетельствовала о смертельной опасности. Впрочем, Громов предлагал своим заклятым врагам целых три варианта развития событий: «Вы можете попытаться бежать, можете попытаться убить меня или застрелиться к такой матери».

Пытались. Стрелялись даже. Но срабатывал, как правило, вариант номер четыре, который означал скоропостижную смерть очередного громовского противника.

Чаще всего приговоры приводились в исполнение с помощью незарегистрированного девятизарядного револьвера «смит-энд-вессон» 11-го калибра. Громов называл его «Мистер Смит» и пускал в ход так часто, что к тому моменту, когда револьвер был безвозвратно утерян, рифленая насечка на его рукоятке почти стерлась.

Иногда, правда, до пальбы дело не доходило. Меняло ли это что-то? Нет. Совсем не обязательно расходовать патроны, если ты знаешь десятки приемов физического уничтожения без оружия. Если ты сам по себе – оружие, совершенное, отлаженное, безотказное...

А как же иначе, если служба твоя начиналась в неизвестной точке земного шара, где казарма делилась на крошечные кельи, оснащенные всевидящими глазками телекамер, а на твоей форме, вместо погон и знаков различия, красовались цифры и буквы, которые лично тебе ни о чем не говорили. Если кроссы, стрельбы, уроки физической подготовки и рукопашного боя заканчивались не отдыхом, а обстоятельными допросами, в ходе которых тебя с ног до головы обвешивали датчиками и ты, чувствуя себя нелепой новогодней елкой, рассказывал о прожитом дне вплоть до таких мелочей, как словцо, которое было обронено тобой, когда выяснилось, что сегодня вечером не будет ужина, а завтра утром – завтрака. Сначала доживи до вечера, советовали тебе инструкторы, там видно будет. Тут главное – не протянуть ноги раньше времени.

Они вовсе не шутили, не сгущали краски. И ты был счастлив, что жив, что сидишь перед ящиком, заменяющим обеденный стол, что перед тобой в миске лежит кусок насквозь промерзшей тушенки, кое-как оттаявшей на выхлопной трубе бронетранспортера. А потом, когда и этого не давали, ты без особого удивления обнаруживал, что способен запросто сожрать крысу или дохлую ворону, а желудок твой при этом даже не пытается взбунтоваться, словно он только и ждал такого угощения...

И ты освоил вождение всех основных видов транспорта – дорожного, водного и воздушного. И свой первый затяжной прыжок совершал с одним парашютом на двоих, а свое первое погружение – с таким ограниченным запасом кислорода, что всплывал на поверхность полумертвый, уже не соображая, где загубник, а где твой собственный вывалившийся язык. Поэтому, когда потом тебя при случае спрашивали: «Где служил?» – тебе хотелось ответить: «Между жизнью и смертью». И ты вспоминал, как умирали твои приятели и как выживал сам, но рассказывал какие-нибудь глупости про стройбат под Челябинском, да еще и улыбался при этом до ушей, словно воспоминания о тех славных деньках были самыми радостными в твоей серенькой биографии. «Служба – не бей лежачего», – говорил ты, посмеиваясь, и это было отчасти правдой. Потому что тех, кто падал, не в силах преодолеть очередное испытание, никак не наказывали. Считалось, что таких просто отчисляли по состоянию здоровья. Но этих слабаков больше не видел никто. Никогда. И тому, что тайком нашептывали об их дальнейшей судьбе, верить не хотелось, поскольку то же самое грозило и тебе. Сегодня – во время спарринга с самым настоящим зэкком, вооруженным топором или заточкой. Завтра – когда прикажут обезвреживать голыми руками противопехотную мину-лягушку. И даже вчера – ведь, проваливаясь в сон, ты никогда не был уверен до конца в том, что все еще жив...

Да, после прохождения всех кругов ада в спецучилище и после закрепления полученных навыков в ходе многолетней практики нет ничего сложного в том, чтобы, например, приблизиться к бьющемуся в истерике террористу и вывести его из строя до того, как он перережет горло парализованной ужасом девушке. Это очень просто. Прямо-таки элементарно. Разумеется, при наличии десятков и сотен «если»...

Например, если тебе не нужен никакой театральный грим, никакие накладные усы и фальшивые очки, чтобы выдать себя за того, кем ты хочешь казаться в данный момент. Ты просто влезаешь в чужую шкуру, на время забывая все свои прежние привычки. Смотришь иначе, говоришь иначе, двигаешься по-другому. Потому что в своих университетах тебе довелось побывать и уличным попрошайкой, и карманником с заточенным пятаком между пальцами, и официантом с подобострастным изгибом позвоночника. Мимика, жестикуляция, знание уголовного жаргона и основ ораторского мастерства – тебя лепили заново, а потом учили сбрасывать привычную маску и вновь становиться кем-то другим: безобидным алкашом, туповатым служакой, приклатненным таксистом с фиксатой ухмылкой.

В конце концов ты научился владеть мышцами своего лица настолько искусно, что оно отражало только то, что ты желал показать. Внушить страх или уважение? Пожалуйста!

Изобразить гнев, страх, нежность, скуку? Без проблем! И походка у тебя при этом становится соответствующая, и жест, которым ты прикуришь сигарету, не выдаст тебя. Ведь ты не просто изображаешь другого человека, ты буквально становишься им, превращаешься в него до последней клеточки тела. Надолго? Однажды Громову пришлось около двух месяцев пробыть бичующим судовым механиком в лагере геологов, и он действительно был им, таким же реальным и естественным, как его отпущенная борода.

Тогда он сдавал свой главный экзамен на выживание в экстремальных условиях – это была его своеобразная дипломная работа. Курсантов разбросали по всей стране, предварительно объявив их во всесоюзный розыск, а плюс к этому каждый получил задание, которое должен был выполнить точно в срок, ни минутой позже отведенного ему времени.

Сотворив из Громова беглого зэка, его высадили с вертолета в заснеженной тайге и пожелали удачи. У него не было ни еды, ни спичек, ни даже приблизительного знания местности. Только относительно новый ватник и дружеское напутствие инструктора на прощание: «Горло береги, когда овчарки рвать начнут. А если их будет больше двух, тогда лучше вообще не рыпайся. Бесполезно».

Попадись он тогда – его ожидал бы самый настоящий срок, а может, что-нибудь и похуже. Но ведь выжил, и добрался до Иркутска, и милиционеров сбил с толку, объявившись на вокзале в облике подгулявшего мичмана при белоснежном шарфике и косых бакенбардах. Экипировка была позаимствована у натурального морского волка, которого скрепя сердце пришлось отправить прямиком в лазарет. А баки Громов соорудил себе с помощью собственных волос, осколка стекла и бруска клейкого туалетного мыла.

Он тогда не только уцелел во всех переделках, но и успешно выполнил поставленную перед ним задачу. Отъедаясь и отсыпаясь на восхитительно чистых простынях, помнит, мечтал чуть ли не об ордене. А ему вручили заряженный пистолет и поручили расстрелять бывшего соученика, который не только сдался милиционерам, но и разболтал во время допросов все, о чем ему было велено не вспоминать даже в бреду.

Что из того, что патрон оказался тогда холостым? Громов на всю жизнь запомнил *то* нажатие на спусковой крючок, звяканье *той* отброшенной гильзы. Казненный остался жив, а Громов научился убивать. И даже после того, как он неоднократно проделал это по-настоящему, снились ему не уничтоженные враги, а глаза мысленно умершего смертника, который так до конца и не поверил в то, что получил отсрочку...

Потом все было по-настоящему, без обмана. Афганистан, Таджикистан, Куба, Ирак, Ангола. Менялись страны, увеличивалось количество наград вперемешку с ранениями. Восьмиугольный орден «За службу Родине» третьей степени и простреленное легкое, серебряная медаль «За отвагу» и дыра под правой лопаткой, крест «За личное мужество» и целый набор переломанных костей.

Кости срастались, раны заживали, душа черствела. Дважды Громова заносили в списки погибших, тем не менее он все-таки опять выживал и даже дослужился до майора. Однако парочка дисциплинарных взысканий перечеркнула весь прежний героизм вместе с дальнейшей карьерой. На строптивости, самомнении и дерзости в полковники не выбьешься. Для этого нужны совсем иные качества, многие из которых у майора Громова напрочь отсутствовали, как и элементарное чувство самосохранения. В заключении психоаналитика так и говорилось: «Склонен к неоправданному риску. За импульсивность характера получил прозвище Гром, которое сохраняется за ним с юношеских лет. Подчиняется субординации неохотно, в критической ситуации способен выйти из повиновения. Замкнут, нелюдим. Выпивать предпочитает в одиночку, хотя повышенной тягой к спиртному не страдает. Зачастую проявляет полное пренебрежение к человеческой жизни, в том числе и к своей собственной. Непредсказуем. Своенравен».

Это заключение было сделано накануне того, как Громов возглавил аналитический отдел при управлении ФСБ в своем родном городе Курганске.

Так называемый аналитический отдел. В конце 90-х годов XX века подобные подразделения негласно существовали во всех областных управлениях, и занимались они преимущественно контролем за деятельностью преступных группировок. Весь анализ сводился к составлению заупокойных прогнозов относительно лидеров уголовного мира, и тут специалисты ФСБ редко ошибались. Авторитеты гибли один за другим, да так удачно, что смерть любого запросто можно было списать на криминальные разборки между соперничающими бандами. Еще до того, как наверху спохватились и принялись спешно расформировывать «аналитические» подразделения, Громов успел лично ликвидировать не только курганского авторитета по кличке Хан, но и отправить вслед за ним чуть ли не десяток его приспешников.

Той злополучной весной Громов проводил операцию по столкновению двух главных преступных группировок региона. Одну из них возглавлял вышеназванный Хан. Вторую – Итальянец. Поводом для конфликта послужил миллион долларов, который увел из-под носа Хана затаивший на него обиду молодой человек. Он носил длинный кожаный плащ, а потому в оперативных разработках проходил под псевдонимом «Конь в пальто». Забавный псевдоним, усмехался Громов, пока не сообразил, о ком идет речь. Молодого человека звали Жекой, и являлся он громовским зятем, вот какая незадача.

В общем, история закончилась трагично. Вышло так, что Громов собственными профессионально чистыми руками чекиста погубил мужа родной дочери, отца своей единственной внучки. Подставил его под бандитские пули, вместо того чтобы помочь выбраться из опасной ситуации. Жека не сдрейфил, не заскулил от страха, не запросился под крылышко майора ФСБ. Взял в руки оружие, встал лицом к лицу с Ханом и с достоинством принял смерть.

Громов видел это собственными глазами. Через снайперский прицел. Его задача заключалась в том, чтобы в ходе этой встречи Хан был только легко ранен, но винтовка в майорских руках вышла из повиновения, запоздало мстя за Жеку. Это помощь иногда поспевает вовремя, а месть, даже самая скорая, всегда вершится слишком поздно.

Единственная майорская дочь, Ленка-Леночка-Елена, осталась одна с четырехлетней Анечкой на руках. Было трудно отвечать на их вопросы, было невыносимо глядеть им в глаза. Но приходилось. Деваться было некуда, поскольку от работы майора временно отстранили, к очередному званию не представили, новой наградой не осчастливили. Учитывая, что, в соответствии с секретным заданием, он должен был лишь легко ранить Хана, это и не удивительно. Удивительно, что вольный стрелок не вылетел из службы безопасности вообще без погон... и без своей бесшабашной головы. Выручил его тогда непосредственный начальник с полковничьими звездами на погонах, которые он носил лишь по большим праздникам.

– А в общем так, Гром, – сказал он при их последней встрече, – честно предупреждаю: дальнейшая твоя судьба мне неизвестна, не мне ее теперь решать. Есть начальство повыше, и пути его неисповедимы, хотя, сдаётся мне, ничего хорошего тебя не ждет. С учетом твоих бывших заслуг могу сделать для тебя только одну вещь. Рекомендовать тебя, стервеца такого, в новое подразделение при ГУ ФСБ, оттуда тебя выковыривать будет хлопотно, вольный стрелок...

Полковник постарался на славу. Запропастились неведомо куда копии некоторых рапортов, служебных записок, докладных. Эпизод с расстрелом Хана и его банды как бы испарился из анналов курганской истории. Биография Громова обрывалась на этом эпизоде. Белое пятно. Пустота. Майор попросту исчез из города и возник в Москве по адресу Большая Дмитровка, 7/5.

Временно обосновавшийся в столице Громов был зачислен в спецподразделение экстренного реагирования. Оно было создано при ФСБ по секретному указу Президента и под-

чинялось ему лично, хотя это нигде не отображалось документально. Номинально подразделение ЭР возглавлял директор ФСБ. Формально – понятия не имел о его деятельности и задачах. И месяца не прошло, как новичок прекрасно зарекомендовал себя при поисках афериста, ухитрившегося увести кредит МВФ из Центробанка. Миллиард долларов – вот уж действительно «чисто конкретные баксы», как писали об этом в прессе, когда некоторые подробности операции просочились наружу. Фамилию человека, умудрившегося поставить на уши весь сочинский уголовный мир и разыскать беглого сотрудника Центробанка, журналистам выяснить не удалось. Что касается Громова, то по возвращении с черноморского курорта он был премирован бледными «Жигулями» седьмой модели и до конца лета ходил с отличным загаром.

Следующее дело «волков в погонах» тоже оказалось громким – еще долго его отголоски катились по всем средствам массовой информации. Мог получиться международный скандал, а вышла мировая сенсация.

В конце лета 2001-го Громов вышел на преступную организацию, во главе которой стояли высокопоставленные военные, правительственные и эфэсбэшные чины. Все они принадлежали к так называемому тайному обществу «Ичкерия», ТОИ. Чеченский госаппарат давно превратился лишь в один из филиалов Общества, но этого вчерашним полевым командирам было уже мало. Ограничиваясь у себя на родине малозначительными вылазками и боями местного значения, они перенесли направление главного удара на Москву. К этому моменту колоссальный механизм ТОИ был запущен на всю катушку. Он был отлажен до последнего винтика, обильно смазан финансовыми вливаниями и потому функционировал безотказно. Противодействовать ему можно было лишь одним безрассудным способом – сунуться в него собственной персоной и слушать, как хрустят твои косточки, перемалываемые беспощадными шестернями.

Громов так и поступил, но оказался слишком твердым орешком. Вместо того чтобы сгнуться без следа, он уцелел и наделал такого шума, что эхо пошло гулять по самым высшим эшелонам власти. Единственная неувязка состояла в том, что никакого официального приказа на проведение операции у Громова не было – он действовал на свой страх и риск. И когда начался подсчет трупов, наверху за головы схватились. С одной стороны, ликвидация верхушки ТОИ подтверждала крутость политического курса, взятого Президентом. Никто не забыт, ничто не забыто. Терроризм и коррупция не пройдут! Но при этом пришлось бы признать, что правительство абсолютно не контролирует действия подвластных ему силовых структур. Получалась самодеятельность какая-то, а не управление государством. Так что, изучив выжимки из материалов дела, Президент, досадливо морщась, произнес: «Специалисты в *нашем* ведомстве, конечно, опытные подобрались, но... Не слишком ли много трупов наворочено? Скажите, этот ваш... э-э, Громов, он нормален?»

Вот и все. Ни рекомендаций, ни пожеланий. Но в президентской команде есть кому ловить на лету мимолетные реплики первого лица государства. Ловить, трактовать по-своему и придавать им вид распоряжений Самого.

И был звонок, и был приказ пройти обследование в спецклинике ФСБ, и несколько дней кряду Громова так и сяк тестировали, изучали, выворачивали душу наизнанку, тянули ему жилы, чуть ли не ланцетами ковырялись в его подсознании. Настораживающих результатов анализов набралось столько, что до вынесения окончательного приговора спровадили Громова домой. Таким образом, вместо заслуженного повышения в звании или ордена получил он десятидневный отпуск с перспективой на скоропостижный инфаркт миокарда.

Считалось, что майор ФСБ Громов прибыл в родной город отдохнуть, но на самом деле это было что-то вроде ссылки. Не имея права покидать пределы Курганска до особого распоряжения, он был вынужден ожидать, какое решение будет принято относительно него наверху. «Наслаждайтесь покоем и ни о чем не думайте, – посоветовали ему, выпроваживая

из Москвы. – Сейчас для вас главное – полностью восстановить физическое и психическое здоровье». Звучало напутствие заботливо, да только на деле Громов понятия не имел, чем закончится его отпуск. Благополучным возвращением в подразделение экстренного реагирования ГУ ФСБ РСФСР? Прохождением специального курса лечения? Переводом в разряд кабинетных работников? Отставкой? Или чем-нибудь похуже?

Последнее было очень даже вероятно. Так уж заведено, что люди, допущенные к важным государственным тайнам, помирают значительно раньше, чем эти тайны переходят в разряд подлежащих разглашению. Естественной смертью, разумеется. Настолько естественной, что прямо оторопь берет. Хоть бы один из отставников утонул по пьянке или в автокатастрофе погиб. Нет, у всех сплошные инсульты с инфарктами. А когда знаешь, сколько коварных препаратов находится на вооружении спецслужб, невольно задумываешься, почему так много здоровых тренированных мужиков умирают в расцвете сил от нарушений кровообращения. Подозрительная закономерность для прошедших огонь, воду и медные трубы. Что ж у них у всех такие сердечки слабые, как на подбор? В настроении весьма далеком от радужного Громов собрал вещички и укатил на дачу, чтобы не подставлять под возможный удар своих домочадцев. Ему просто необходимо было некоторое время побыть одному, совсем одному. Наедине с мыслями, с совестью. Чтобы никто не трогал, никто не донимал, не бередил раны. Ему требовался полный покой, как тяжело больному зверю, который еще не знает, заставит ли он себя жить дальше или так больше никогда и не встанет на ноги. Но отдохнуть не получилось. Такой мирный на вид дачный поселок оказался на проверку очередным военным полигоном, потому что его решил прибрать к рукам тот самый Итальянец, с которым Громов не успел разделаться до перевода в Москву. Теперь он звался Рудневым Александром Сергеевичем, считался видным курганским бизнесменом и политиком. Завтрашний губернатор области, без пяти минут сенатор, почти что полновесный член Совета Федерации, стоящий высоко над прежними корешами-уголовниками.

Для достижения заветной цели Рудневу требовалась лишь крупная сумма денег, и он решил обогатиться за счет создания так называемой курортной зоны, куда вкладывались капиталы прижатых к ногтю коммерсантов. Громов не задумывался о том, как бы сложилась дальнейшая судьба поселка, не окажись он на месте в критический момент. Он там оказался, и он начал действовать.

В результате Руднев, прикованный наручниками к бензовозу, отправился не на заседание верхней палаты, а прямиком в пекло. После той памятной истории местный криминалитет окрестил Громова «Матерым», а ФСБ окончательно списала его со своих счетов. В отставку он ушел всего-навсего майором, что многое говорило о его умении делать карьеру. Оставшись без работы, он лишился также своего любимого револьвера «смит-энд-вессон» и долго не мог привыкнуть к своему новому статусу совершенно штатского и абсолютно безоружного человека.

Нельзя сказать, что Громов ушел в отставку обеспеченным человеком, нет. Что-то около девятисот долларов у него осталось от лучших времен. Супруга, прознав об этой сумме, принялась мечтать вслух о совместном отдыхе в Анталии или хотя бы на Золотых песках. Громов терпел две недели, а потом сорвался, – кажется, когда увидел купленные для него сандалии и ультрамодные шорты до колен, в которых он не рискнул бы появиться даже на дачном участке. Многие мужики на его месте отправились бы лечить нервную систему в кабак или к любовнице. Громов поехал на автомобильный рынок и, обратившись к нужному человеку, обзавелся новым оружием. Супруга после такого вопиющего безобразия перебралась жить к сестре, но, поразмыслив, Громов пришел к выводу, что эту потерю он переживет. Положа руку на сердце, он был вынужден признать, что без оружия ему жилось куда тоскливее, чем без дражайшей половины.

Приобретение стоило шести сотен баксов, выложенных за него. За эти деньги Громов обзавелся пистолетом необычным, можно сказать, уникальным. В конце 80-х годов прошлого века командование спецподразделений сухопутных войск США приняло решение о создании специального «наступательного личного оружия» для применения его в ближнем бою, с дистанции 25–30 метров.

Заказ выполнила западногерманская фирма «Хеклер энд Кох», назвав свою модель «Universal-Selbstlade Pistole». Этот «универсал» был предусмотрительно подогнан под самые ходовые на международном оружейном рынке патроны 9х19 мм для систем «парабеллум» и «смит-вессон». Причем немцы изготовили два варианта пистолета – коммерческий и служебный.

Громову посчастливилось обзавестись служебным «универсалом», значительно более совершенным. Причем самой новой его моделью 45-го калибра. В переводе на русский это означало, что пистолет стреляет одиннадцатимиллиметровыми патронами, которых, кстати, у Громова с прошлых времен осталось навалом.

«Универсал» был оснащен 10-зарядным магазином, на задней стенке которого имелось отверстие с цифрами, показывающими оставшиеся выстрелы. Вести прицельную стрельбу из этого чудо-пистолета можно было даже в потемках благодаря тритиевому источнику, встроенному в мушку. В умелых руках «универсал» допускал самое минимальное рассеивание пуль – всего 5 сантиметров на 25 метров. Тренируясь, Громов постоянно улучшал этот показатель и как-то под настроение расплющил друг о друга целых три, посланных одна в одну, пули.

Относительно короткий, приятно увесистый (почти два кило) «универсал» зарекомендовал себя идеальным оружием. В отличие от большинства стандартных пистолетов он весь, до мельчайшего винтика, был покрыт антикоррозийным покрытием, придававшим ему неповторимый матово-черный оттенок.

Как только это чудо техники перекочевало за пазуху Громова, его сердцу стало теплее. Не только потому, что он умел ценить первоклассное оружие. Просто тот, кто хочет мира, должен быть постоянно готов к войне.

Война... Сколько помнил себя Громов, столько она продолжалась: в мире, в стране, в любой точке, куда забрасывала его судьба, днем и ночью. И то обстоятельство, что порой выстрелы затихали, ничего не меняло на планете под названием Земля. Невооруженный человек всегда оказывался слишком слабым и уязвимым, чтобы отстаивать свои права, свободу, жизнь. Побеждать зло удавалось только с оружием в руках.

В очередной раз эта печальная истина подтвердилась в конце осени 2001 года, когда за помощью к Громову обратилась его дочь Ленка-Леночка-Елена. В ту пору она учредила собственную фирму. Наняла альпинистов, занялась размещением рекламных щитов на высотных зданиях, мостах, башнях. Дело для Курганска было абсолютно новое, но вместо того, чтобы расширять его и углублять свою коммерческую нишу, Ленка ввязалась в аферу, предложенную ей местным бизнесменом Зинчуком. Его фирма перечислила Ленке рубли, которые она конвертировала и превратила в полтора миллиона долларов. На ее счету осело пять процентов за услуги, а все остальное было отправлено в адрес заранее оговоренного кипрского банка.

Ленка наивно полагала, что после такой сделки сможет не думать о завтрашнем дне, но призадуматься пришлось крепко, и не ей одной. Операционистка банка, в котором находился расчетный счет ее фирмы, проболталась о крупном перечислении группировке Лехи Катка, и бандиты, не вдаваясь в подробности, решили завладеть мифической суммой. Похитив Ленкину дочь, они назначили за нее выкуп в те самые полтора миллиона долларов, которые уплыли за границу, и никаких доводов, кроме стрельбы, слушать не желали.

Вот когда нашлось достойное применение громовскому «универсалу».

Как только из его ствола была выпущена первая пуля, курганский РУБОП не имел ни дня передышки. Слишком много получилось трупов, даже по нынешним лихим временам. Во-первых, polegла вся бригада Лехи Катка в полном составе, а кроме того, досталось грузинским боевикам еще одного «отмороженного авторитета», Сосо Медашвили. К тому моменту, когда «универсал» закончил свою кровавую работу, Курганск вполне мог претендовать на звание второй криминальной столицы России. Зато жизнь Анечки была спасена.

Вызволять девочку из плена помогал Громову двадцатипятилетний лейтенант Костечкин, который сразу после этого уволился из милиции и перенес всю свою кипучую энергию на семейную жизнь с майорской дочерью, ставшей для него Еленой Прекрасной, самой желанной, единственной и ненаглядной.

Им бы жить не тужить, добра наживать да любить друг друга без памяти, но этой весной Андрей Костечкин пропал. Подрядился шофером в дальний рейс через Казахстан и сгинул, как сквозь землю провалился.

И теперь, чтобы разыскать зятя, Громов был готов пройти по его следам до самого конца. Даже если для этого придется спуститься в преисподнюю.

Глава 4

Елена прекрасная, одинокая и несчастная

Ленка стояла у окна и глядела во двор. Ее глазам открывалась неприглядная картина. Проржавевшие насквозь мусорные баки, голые деревья, черная земля, загаженные собаками островки ноздреватого мартовского снега. На одном из них лежал трупик котенка, возле которого собралась молчаливая стайка детворы с серьезными личиками.

«Хоть кто-то пожалел бедняжку», – растрогалась Ленка.

Краснощекий малыш в островерхом колпаке с помпоном взмахнул лопаткой и ударил котенка по голове. Тотчас его примеру последовали остальные малыши, которые, как оказалось, прихватили с собой камни и палки. Звуков ударов Ленка не слышала, но сквозь стекло проникал возбужденный гомон, сопровождавший экзекуцию. Детишки учились убивать.

Серый мартовский пейзаж за окном показался Ленке еще более омерзительным, чем он выглядел на самом деле. Обхватив себя руками за плечи, она отошла от окна и села перед телевизором.

На экране американский проповедник красноречиво описывал прелести рая, куда должны стремиться все сознательные люди. Поясняя, как славно все устроено на небесах, он жестикулировал руками и закатывал глаза. Но Ленке подумалось, что ей не хотелось бы провести целую вечность в компании этого типа с фарфоровыми зубами. Даже в раю. Тем более в раю. Страшно представить себе всю эту массу пасторских воротничков, пыльных ряс и расшитых золотом риз, которые накопились там за минувшие тысячелетия. Интересно, святоши и на небесах выясняют, кто из них более богоугоден? Не тошно ли Всевышнему в этой компании? Неужели не опротивели ему все эти бесконечные разборки на религиозной почве? Или...

Телефонный звонок заставил Ленку вздрогнуть. Не так испуганно, как если бы вдруг прозвучал гром небесный, но все равно по коже побежали мурашки.

С тех пор как Андрей не вернулся из рейса, она все время ждала плохих новостей. Однажды в Ленкиной жизни уже был телефонный звонок, известивший ее о гибели первого мужа. Пережить такое вторично было бы выше ее сил. Ленка дважды протягивала руку к телефону и дважды отдергивала ее обратно, прежде чем решилась взять трубку.

– Алло, – это прозвучало, как еле слышный шелест.

– Доченька, – встревожился далекий материнский голос, – что с тобой? Уж не заболела ли ты?

– С чего ты взяла? – произнесла Ленка громче. – Со мной все в порядке. Между прочим, здравствуй, мама.

– Здравствуй, доченька. У тебя такой голос...

– Самый обычный голос, мама. У меня все нормально. А как ты? Как Анечка?

– Анечка просится обратно. Ей скучно. Она хочет домой и жалуется, что тебе совсем не нужна.

– Глупости! – воскликнула Ленка, ощутив, как в горле разрастается горячий ком, который не так-то просто проглотить. – Просто в любой момент может случиться так, что мне срочно придется выехать по делам... – «В какую-нибудь больницу за тридевять земель, – подсказал внутренний голос. – Или в морг судебно-медицинской экспертизы, на опознание Андрюшиного тела. В любом случае это будет путешествие не того рода, в которое хочется взять пятилетнюю девочку».

– Ты уже говорила, что у тебя намечаются какие-то неотложные дела, – напомнила мать. – А я ответила тебе, что родная дочь важнее всех твоих коммерческих затей, вместе взятых. Разве не так?

– Так, – согласилась Ленка, – но эти мои коммерческие затей, как ты их называешь, позволяют мне кормить и одевать Анечку.

– Тогда зачем тебе нужен муж? Если Андриюшенька не в состоянии обеспечить семью, то сидел бы дома с дочкой. Хотя бы и с приемной. Не хочу навязывать тебе свое мнение, но я на твоём месте сто раз подумала бы, прежде чем связать свою судьбу с человеком без определенных занятий, без царя в голове. Что это за мужчина, который бреется через раз и не способен обеспечить будущее своей жены и приемной дочери? Какой из него муж, скажи на милость, какой отец?

Ленка досадливо поморщилась:

– Нормальный муж. Нормальный отец. Когда мы с Анечкой попали в беду, он доказал, что на него можно положиться.

– Геройствовать – дело нехитрое, – нравоучительно заметила мать. – Ты сначала семью всем необходимым обеспечить, а потом уж геройствуй. Сделай так, чтобы девочке, которую ты называешь дочерью, не приходилось мыкаться по чужим углам, вот тогда будет тебе честь и хвала.

– Между прочим, ты Анечке не посторонний человек, – напомнила Ленка. – Она не по чужим углам мыкается, а гостит у своей бабушки.

– Тогда почему бы Андриюшеньке не составить ей компанию? – воскликнула мать таким тоном, словно эта расчудесная идея осенила ее буквально только что. – У нас тут, кстати, давно трубы в ванной протекают, замок на входной двери барахлит, утюг вышел из строя. Есть к чему приложить мужские руки. Если, конечно, твоему Андриюшеньке когда-нибудь надоест отлеживать бока на диване.

Когда мать начинала разглагольствовать про мужские обязанности, Ленке становилось мутно. В материнском голосе чудились свои собственные интонации, и слушать их было неприятно.

– Послушай, мама, – произнесла Ленка, борясь с желанием жахнуть телефонной трубкой об стену. – Если Анечка тебе и тете Маше в тягость, то так и скажи, а не ходи вокруг да около. Я придумаю, куда ее пристроить.

– Вот именно, что пристроить! – Голос матери зазвенел то ли негодующими, то ли торжествующими нотками. – Ты говоришь так, словно речь идет о щенке или котенке, а не о пятилетней девочке!

Тут Ленке вспомнилась недавно увиденная во дворе сцена, и ее настроение упало до самой нижней отметки.

– При чем здесь котенок! – взорвалась она. – Что за глупые аналогии? И вообще, некоторым неплохо бы уладить свою собственную семейную жизнь, прежде чем поучать других. Ты никогда не задумывалась, почему отец от тебя ушел, мамочка?

– Он ушел? – Прежде чем продолжать, мать сочла нужным издать демонический хохот. – Ха-ха-ха! Это я его бросила, а не он меня. Достаточно того, что он загубил мою молодость! Жить с ним – все равно что с запрограммированным роботом, это же терминатор какой-то, а не человек!

– Но ведь мой отец не из тех, кто станет отлеживать бока на диване, верно? – ехидно осведомилась Ленка. – И семью он обеспечивал, насколько я помню. Не слишком ли у тебя большие запросы, мамочка? – но ответом на ее реплику были лишь отрывистые гудки в трубке.

* * *

Отец допил крепчайший кофе, смахивающий на деготь, и сунул в зубы сигарету, уже вторую за десять минут.

– Ты слишком много куришь, – тускло произнесла Ленка.

– М-м? – Отец приподнял бровь, рассеченную шрамом надвое. – С каких пор тебя волнует мое здоровье?

– Ты куришь и молчишь, молчишь и куришь, – продолжала Ленка, – а потом гасишь окурки в тарелке с заботливо приготовленным мамой салатом. От этого страдает твоя личная жизнь. И близкие тебе люди тоже страдают от этого.

– От этого страдают только мои легкие, – возразил отец, поднося к сигарете желтое пламя зажигалки. – Что касается окурков в салате, то, сдается мне, кое-кто поделился с тобой давними воспоминаниями.

– И что в этом плохого?

– Ничего. Просто в рассказе наверняка была опущена маленькая деталь, в корне меняющая дело.

– Что за деталь?

– Окурок был потушен не в моей тарелке. В тарелке гостя, которого твоя мать пригласила на Новый год. – Громов яростно затянулся, после чего его сигарета укоротилась сразу на треть. – Мы были молоды, зарабатывали копейки, и главным блюдом, выставленным на наш праздничный стол, был салат «Оливье»: колбаса, огурцы, зеленый горошек, мелко покрошенная картошка плюс много-много майонеза.

– И вареные яйца, – машинально заметила Ленка.

– Может быть, хотя с уверенностью сказать не могу. Я же сказал: мы жили довольно бедно, так что вполне могло случиться так, что денег на яйца не хватило. Но вот лук в салате присутствовал, это я хорошо помню. Похрустывая этим луком... или огурцами, – Громов выпустил дым из ноздрей, – наш дорогой гость, институтский комсорг твоей матери, стал дружески выговаривать ей за скудное угощение. Он-то, оказывается, был большим любителем домашнего холодца и сельди под шубой.

– А ты?

– Я погасил окурок в его салате и предложил ему продолжить праздник в каком-нибудь другом месте. Там, где меню поразнообразней.

– А мама?

– Она осталась дома.

Ленкины глаза прищурились:

– Меня интересует, как она отреагировала на твой поступок.

Громов равнодушно пожал плечами:

– Она потом со мной месяца два не разговаривала. Или три, точно не помню. Комсорг, будучи по совместительству сексотом КГБ, написал на нее донос, и ее моментально исключили из института.

– За окурок в салате? – изумилась Ленка.

– За спекуляцию, насколько я помню. Твоя мать привезла из Москвы несколько пар итальянских сапог и продавала их сокурсницам по завышенной цене. Можно считать, что она отделалась легким испугом. За подобные штучки можно было запросто угодить на скамью подсудимых.

Ленка нахмурилась:

– Разве борьба со спекуляцией входила в компетенцию сотрудников государственной безопасности?

– В их компетенцию входило все, буквально все. Я бы сказал, что КГБ являлся стержнем, на котором держался социализм.

– Но ты ведь и сам служил в Комитете, разве нет?

– Служить и стучать, – сказал Громов, – две большие разницы. Кроме того, в ту пору никто не знал, кем я являюсь на самом деле. Официально я числился разнорабочим геологической экспедиции, что здорово облегчало мне жизнь при необходимости исчезнуть из города на неопределенный срок.

– Сдается мне, что ты это делал с гораздо большим удовольствием, чем возвращался, – усмехнулась Ленка.

– Совершенно верно, – кивнул отец. – До твоего рождения.

– А потом?

– А потом ты как-то слишком быстро выросла, стала очень взрослой, самостоятельной и вышла замуж. С тех пор началась сплошная головная боль. – Затувив сигарету, Громов посмотрел дочери в глаза. – Твои мужья впутываются в разные темные истории, и ты вдруг вспоминаешь, что у тебя есть отец с темным чекистским прошлым. Тогда ты звонишь и зовешь меня на помощь.

– Это случается не так-то и часто, – запальчиво сказала Ленка.

– В том-то и дело. Так что я намерен использовать ситуацию на всю катушку. – Неожиданно улыбнувшийся Громов озорно подмигнул дочери. – Останусь ночевать у тебя под тем предлогом, что нам надо разработать план дальнейших действий.

– По-моему, для этого не требуется никакого предлога. Просто оставайся и все.

– Но Андрюшу искать нужно, м-м?

– Нужно, – решительно кивнула Ленка, – обязательно нужно.

– Вот поэтому я и остаюсь, – просто сказал Громов, запуская пальцы в сигаретную пачку. – Займись-ка обедом, а я тем временем введу тебя в курс дела. Вот что мне удалось выяснить у господина Яртышникова...

Глава 5

Мы едем-едем-едем в далекие края

Автотранспортное предприятие «Монтажник» занималось перевозкой грузов несколько лет кряду, но дела шли через пень-колоду. То заказчик попадется жуликоватый, то грузовики застрянут на дорожном посту, то поломки, то штрафы. «Не бизнес, а геморрой», – жаловался Яртышников знакомым, морщась так, что сразу чувствовалось: человек знает, о чем говорит. Но в этом марте все изменилось: господь смилостивился над Яртышниковым, ниспослал ему удачу. Нежданно-негаданно в его кабинет заявился некто Корольков, столичный бизнесмен с целым набором кредитных карточек, которые хранились в специальном отделении его бумажника. Беспрестанно открывая и закрывая этот бумажник, вертя его так и сяк перед глазами собеседника, Корольков предложил Яртышникову не вполне обычную, но зато крайне выгодную сделку.

Три «КрАЗа», числящиеся на балансе предприятия, не просто сдаются в аренду, а продаются заказчику по сходной цене.

– Это на тот случай, – сказал Корольков, – если вдруг с грузовиками что-нибудь случится в дороге. Чтобы вы, Николай Петрович, не били тревогу, разыскивая их.

– «КрАЗы-260» – очень хорошие машины, – заметил Яртышников, поглядывая на бумажник собеседника. – Их можно сравнить с «БМП», только без брони.

– И без вооружения, – заметил Корольков, любуясь выдвинутым наружу прямоугольничком «Master Card».

– Но проходимость у них повышенная. – Яртышников энергично почесался. – В салоне установлены обогреватели и пепельницы.

– Без пепельниц, конечно, никуда, – согласился Корольков. – Можно оговорить их цену в специальном приложении к договору. Но сначала давайте определимся со стоимостью самих грузовиков.

– Давайте. Милости прошу за мной. Взглянем на предмет купли-продажи, так сказать, воочию.

Яртышников улыбнулся, довольный тем, как непринужденно, как светски прозвучала последняя фраза. Они здесь, в Курганске, не обладают столичным лоском, но все же не лаптем щи хлебают. Не падают в обморок при виде карточек с надписями «Chase Manhattan Bank». Не лебезят перед московскими бизнесменами, знают себе цену. И цену «КрАЗам» тоже знают. Спустившись во двор, Корольков с умным видом походил вокруг одного из грузовиков. Постучал кулаком по борту, носком ботинка – по скатам.

– Я родился и вырос здесь, в Курганске, – сказал он, зачем-то пересчитывая карабинчики тента. – Вы случайно не в пятьдесят четвертой школе учились?

– Не в пятьдесят четвертой, – заверил его Яртышников. – Совсем в другой школе я учился.

– Жаль, – погрустнел Корольков. – А я, признаться, подумал, у нас могут быть общие знакомые. Чернец, Чуркин, Майдуков, Кривченко... Вам никогда не приходилось сталкиваться с кем-нибудь из них?

– Никогда. Балансовая стоимость этого «КрАЗа» составляет...

– Меня не интересует балансовая стоимость, – раздраженно сказал Корольков, неосторожно забредший в весеннюю лужу, – ни этого «КрАЗа», ни двух остальных. Я уплачу десять тысяч долларов за каждый. Между прочим, насколько мне известно, Майдуков стал писателем...

– Я не читаю современную литературу. – Яртышников помог гостю выбраться на асфальт. – Гоголь, Пушкин, Чейз – вот мои приоритеты. «КрАЗы» стоят минимум в три раза дороже.

– Чем собрания сочинений ваших любимых авторов?

– Чем та цена, которую вы предлагаете за грузовики, пробег которых...

– Чуркин, говорят, спился совсем, – печально молвил Корольков. – Вам машины достались совершенно бесплатно, Николай Петрович. Побойтесь бога.

– У каждого своя судьба, – вздохнул Яртышников. – Вот у меня был одноклассник по фамилии Пьянов, так он не алкоголиком стал, а наркоманом.

– Надеюсь, вы его по старой дружбе за баранку своей машины не усадили, этого наркомана Пьянова? – Лукаво улыбнувшись, Корольков тут же посерьезнел. – Мне нужны опытные, ответственные водители. Грузовики я у вас куплю, все три – за тридцать тысяч. А водителей найму ваших. Пятьсот долларов за рейс каждому экипажу.

У Яртышникова громко забурлило в желудке.

– Рейс, надо понимать, дальний? – спросил он.

– Разумеется.

– Тогда по тысяче, – громко произнес Яртышников. – Каждому из шести водителей. Наличными. Причем деньги пройдут через мои руки. Это неперемное условие.

– Вечно меня обдирают как липку, – пожаловался Корольков серенькому небу над головой. – Я совершенно не умею торговаться.

– Но дела-то у вас все равно идут неплохо? – предположил Яртышников, косясь на дорогое пальто собеседника.

– Хуже некуда, – возразил тот, тыкая пальцем в клавиши мобильного телефона. И сказал в трубку: – Сашок? Готовь тридцать шесть штук зелени, Сашок. Жду тебя на месте. Вопрос улажен.

С этого момента все завертелось с такой ошеломляющей скоростью, что у директора «Монтажника» зарябило в глазах. Завозился груз, предназначенный к отправке, оформлялись документы, пересчитывались деньги, спешно разыскивались и готовились в дальнюю дорогу шоферы. Поскольку двое из них оказались в совершенно невменяемом состоянии, пришлось нанимать людей со стороны, в том числе и Костечкина, из-за которого позже начался сыр-бор. Родственников остальных запропадившихся водителей Яртышников отсылал писать заявления в милицию, но никто из них не появлялся в его кабинете с чайником, наполненным кипятком. Впрочем, накануне поездки ничто не предвещало неприятностей. Отлаженные двигатели «КрАЗов» работали как часы. Водители пересчитывали выданные им деньги и в последний раз перебирали барахло в своих нейлоновых сумках, хранивших спортивные костюмы, белье, бритвы, термосы, туалетные принадлежности. Все поочередно предъявили Яртышникову права и два паспорта – российский плюсграничный, нового образца. Он лично убедился, что за солнцезащитным козырьком каждого грузовика хранятся накладные и путевые листы, проверил, как закреплен груз под высокими брезентовыми тентами.

К вечеру «КрАЗы» были загружены под завязку. Как уверял Корольков, во всех 36 бочках, установленных в трех кузовах, находилась солярка, а в прочно сбитых неподъемных ящиках – запчасти для самоходных буровых установок.

– Понятно, – кивнул Яртышников, опасливо поглядывая на металлические бочки, помеченные надписями «огнеопасно» и изображением черепов с костями. На продолговатых ящиках, выкрашенных в защитный цвет, маркировка отсутствовала. Их установили штабелями поближе к кабине. Они были снабжены специальными ручками для переноски и весили килограммов по пятьдесят. Еще более тяжелыми оказались квадратные ящики из неструга-

ных занозистых досок, которые заволакивались в «КрАЗы» вдвоем, а то и вчетвером. – Скважины, значит, бурить будете? – заключил Яртышников, поглядывая на таинственные ящики.

– Лично я ничего бурить не собираюсь, – ответил Корольков. – Мне и так хорошо.

Вооружась китайским фонариком, он полез в темноту затентованного кузова, чтобы проверить, как закреплен груз. При этом он наступил на полу своего длинного пальто и так ударился подбородком, что стал разговаривать исключительно сквозь зубы.

– Порядок? – спросил Яртышников, когда москвич вывалился из кузова на грязный асфальт площадки.

– Полный порядок, – процедил тот, пытаясь отряхнуть перепачканные колени.

– Значит, в добрый путь?

Яртышникову вдруг стало жаль проданных грузовиков, о дальнейшей судьбе которых он ничего не узнает. Все, что было ему известно, это примерный маршрут колонны: через Россию и Казахстан напрямик в Узбекистан, откуда шоферам надлежит вернуться своим ходом. «КрАЗы» будут следовать в сопровождении «Жигулей» с двумя людьми Королькова, которым поручено решать вопросы с милиционерами и придорожной братвой.

– В добрый путь, – буркнул Корольков, баюкая нижнюю челюсть. – Ваши водители проинструктированы, теперь им остается лишь попеременно крутить руль и не давать друг другу спать. Так что, как говорится, с богом. – Он приподнялся на цыпочки и махнул рукой.

– Крепче за баранку держись, шофер! – весело проорал Суранов, назначенный старшим. После чего сунул в рот два пальца и свистнул так лихо, что Андрей Костечкин, мочившийся на заднее колесо «КрАЗа», забрызгал носы утепленных ботинок.

Шоферы выбрались из кабин, где перекусывали перед дорогой, обошли свои машины, в последний раз проверяя крепления кузовов и состояние скатов.

– Заправлять баки будете соляркой из бочек, – напомнил Корольков. – А того, кто вздумает заправиться чем-то покрепче, ждут крупные неприятности. Замеченные в пьянстве закончат рейс на больничной койке.

Водители дружно посмотрели в сторону тонированных «Жигулей», внутри которых разместились сопровождающие, и молча полезли в кабины. Приподнятой атмосферы как не бывало.

Заработали моторы, наполняя ночной воздух вонью выхлопных газов. Один за другим грузовики тяжело тронулись с места и, кренясь вправо, пошли на разворот, скрежеща листовыми рессорами. Следом стартовала легковушка, выбросившая из-под колес веер бурой воды. Некоторое время были видны габаритные огни колонны, а потом их заслонили створки закрывшихся ворот.

– В кабине «КрАЗа» как на капитанском мостике, – сипло сказал Яртышников, однажды просидевший за рулем грузовика с начала рабочего дня до самого обеденного перерыва. – Все сверху видать, красота!

– Если стекла чистые, – уточнил Корольков, двигая нижней челюстью из стороны в сторону.

– Сидишь себе в тепле, выжимаешь газ, ни о чем не думаешь...

– А твоя жена тем временем договаривается о свидании с любовником. – Корольков тихонько засмеялся. – Вот уж кем бы я не хотел быть, так это дальнбойщиком. Вы по сколько им заплатили, Николай Петрович? Только честно.

– По пятьсот долларов, – признался Яртышников, скосив глаза в сторону.

– Дорожные расходы и обратный путь за свой счет?

– Ну, не за мой же.

– У вас бизнес пойдет, это сразу чувствуется, – хохотнул Корольков. – Есть деловая хватка плюс начальный капитал. Думаю, годика через два вы всех автотранспортников Курганска за пояс заткнете.

У Яртышникова потеплело в груди.

– Обмоем это? – предложил он.

– Ваше будущее процветание?

– Нашу сделку.

– К сожалению, не могу. – Для того чтобы развести руками, Королькову пришлось оставить в покое свой подбородок. – Приглашен в гости к одному из одноклассников.

– К писателю Майдукову?

– К алкоголику Чуркину. Сам-то он теперь привокзальный бомж, но его жена считалась в нашей школе наипервейшей красавицей. Я был влюблен в нее с восьмого по десятый класс. – Глаза Королькова подернулись мечтательной поволокой. – Надеюсь, за минувшие пятнадцать лет она изменилась не так уж сильно.

– Моя секретарша Зоя тоже когда-то была женщина хоть куда, – вздохнул Яртышников. – А теперь варикоз да целлюлит – вот и все ее прелести.

– Если бы мне предложили выбирать между партнершами с варикозным расширением вен и СПИДом, то я, не задумываясь, отдал бы предпочтение первой. Так что ваша секретарша – не самый худший вариант.

Яртышников резиново улыбнулся:

– Что ж, тогда удачи.

– Спасибо, – помрачнел Корольков. – Сейчас удача нужна мне, как никогда.

С этими словами он пожал протянутую руку собеседника и пошел с территории автобазы так поспешно, словно его распахнутое пальто превратилось в парус.

– Попутного ветра, – пробормотал Яртышников. – Чтоб у тебя после сегодняшней ночи нос провалился, хлыщ столичный.

Глава 6

Майорская дочка

Ленка уменьшила огонь под кастрюлей, перевернула ломтики мяса на сковороде и подытожила:

– Информации не густо. То, что Андрей укатил в Казахстан, я и без Яртышникова знаю. Но куда он пропал потом, вот в чем вопрос.

– Возможно, ответить на него сможет господин Корольков, – предположил Громов.

– Только представь себе, сколько Корольковых проживает в Москве. И каждый десятый из них – бизнесмен в импозантном пальто.

– Не надо сгущать краски. Не все так плохо.

– Ладно, – согласилась Ленка. – Допустим, все действительно не так плохо и предпринимательством нынче занимается всего лишь каждый сотый, а не каждый десятый москвич. Разве это облегчает нашу задачу? По телефонам, указанным на визитке Королькова, никто не отвечает. Может, он все наврал. – Ленка, намеревавшаяся проткнуть вилкой вареную картофелину, развалила ее пополам. – Может, он в каком-нибудь Тобольске проживает. Или вообще в Нахичевани. Как его теперь искать? Где?

– У Натальи Чуркиной, – сказал Громов, глядя в окно. Глаза у него были бесцветные, как небо, и такие же невыразительные.

– У тебя есть адрес?

– Это не проблема. Для меня, во всяком случае.

Ленка нахмурилась:

– Ты полагаешь, Корольков надолго задержался у одноклассницы? Никак не может с ней расстаться? Ха-ха, держи карман шире! Вспомнили молодость, перепихнулись по-скоренькому и попрощались.

– Н-да, ты у меня не романтик.

– Не романтик, – согласилась Ленка. – В стране, где на душу населения ежегодно приходится ведро водки и упаковка презервативов, трудно сохранить романтические представления о любви.

– И все же есть надежда, – упрямо сказал Громов.

– Надежда на возрождение человеческих отношений?

– Надежда на то, что Королькову понравилось у Чуркиных. Жены алкоголиков, не избалованные мужской лаской, способны творить в постели чудеса.

– Ты сделал это наблюдение на основании личного опыта? – невинно осведомилась Ленка, накладывая отцу картошку с мясом.

Он бросил на стол хлебную горбушку, в которую намеревался вцепиться зубами.

– Это азы человеческой психики. Покинутая женщина стремится к самоутверждению. Мужчина, встретивший первую любовь, склонен ее идеализировать.

– Даже бизнесмен, готовый выложить почти сорок тысяч долларов наличными?

Громов покачал головой:

– Я вовсе не утверждаю, что господин Корольков забросил все свои дела и до сих пор блаженствует в квартире подруги детства. Но он мог оставить Наталье свои координаты. Телефон, визитку, адрес электронной почты. Вот тебе и зацепка.

– Соломинка, за которую хватается утопающий.

Рука Громова, потянувшаяся за горбушкой, замерла на полпути:

– А ты предпочитаешь идти ко дну?

– Ты кушай, кушай, – спохватилась Ленка и посмотрела на картофелину, насаженную на свою вилку, с таким выражением лица, словно сильно сомневалась в ее съедобности.

– Ты тоже кушай, – проворчал Громов, приступая к трапезе. – Вполне возможно, что сразу после моего визита к Чуркиной мы отправимся в Москву. Казахстан слишком велик, чтобы обшаривать его наугад в поисках Андриюши. Корольков должен знать точный маршрут. Это здорово облегчит нашу задачу.

– Они могли не доехать до Казахстана, – тоскливо сказала Ленка.

– Куда-нибудь да доехали. Останется лишь в точности повторить их маршрут и навести справки. Колонна из трех «КрАЗов» и «Жигулей» – не иголка в стоге сена. Восемь человек не могли исчезнуть бесследно.

– Прошло почти две недели, а никто из них не вернулся. Я расспросила всех шоферов Яртышниковых, они лишь пожимают плечами и отводят глаза. Ни один из участников того проклятого рейса не появился в Курганске. Ни один из них не позвонил домой. Это значит...

– Это значит, что у них не было такой возможности, только и всего.

– А еще что это значит?

– Что на то есть какая-то причина, которую мы должны выяснить.

– Опять «только и всего»?

– Совершенно верно.

Некоторое время оба молчали, притворяясь увлеченными поглощением пищи. Наконец Ленка не выдержала и сказала:

– Если Андриюша жив, я первым делом отправлюсь в церковь и поставлю самую большую свечу за его спасение.

Громов забросил в рот кусок мяса, пожевал, а потом предположил:

– Думаю, твой муж предпочел бы, чтобы ты научилась как следует сливать воду из кастрюли с картошкой. Остальное приложится.

– Надежда умирает последней, да? – тихо спросила Ленка.

– Надежда вообще не умирает. Умирает тот, кто перестал надеяться.

* * *

За окнами моросил дождик, наверху слушали музыку, внизу ругались, за стеной ныл на одной протяжной ноте несчастный мальчик, которого лишили то ли сладкого, то ли права смотреть мультсериал про человека-паука. Вместо жалости Громов испытывал одно только нарастающее раздражение. Голосистый ребенок представлялся ему похожим на телепузика – такое же бессмысленное выражение лица, пустые глаза, круглые щеки. Если не пялится в экран, то перебирает коллекцию бляшек с уродцами-покемонами или просто хрустит чипсами, потому что все остальное ему неинтересно.

– Как дела? – спросила Ленка, решившая проведать отца, пока стиральная машина проворачивала загруженное в нее белье.

– Да вот, детективы твои листаю, – сказал Громов, показывая кивком на стопку ярких книжонок, возвышающуюся возле кресла, в котором он расположился.

– Адрес Чуркиной удалось выяснить?

– Также мне, тайна за семью печатями, – фыркнул Громов, лениво перебирая книги.

– И когда состоится встреча? – поинтересовалась Ленка, прислонясь плечом к дверному косяку.

– Ближе к вечеру.

– Может быть, стоит навеститься к Чуркиной на работу?

– Она взяла отпуск без содержания, – доложил Громов, пробегая взглядом по страницам очередного детектива. – Сегодня утром. Обнадеживающий факт.

– Ты думаешь, что это как-то связано с Корольковым?

– Я думаю, что одинокая женщина, работающая в захудалом НИИ, не станет отдыхать за свой счет в марте, когда и на дачу-то не выедешь. Вот за счет состоятельного друга детства – другое дело.

– Знаешь, я поеду с тобой, – решительно заявила Ленка и тряхнула волосами, после чего ее глаза почти скрылись под длинной челкой.

– В этом нет никакой необходимости, – сказал Громов ровным тоном человека, не собирающегося отступать от намеченного плана. – Я справлюсь сам. Занимайся стиркой и ни о чем не беспокойся.

– Ты не понял, папа. Мадам Чуркину можешь навестить сам, я не возражаю. Но на поиски Андрюши мы едем вместе.

– Глупые женские фантазии. Бред. – Громов покачал головой.

– Это не фантазии, – возразила Ленка, распрямляясь в проеме двери так, как если бы она захотела стать повыше.

– Я о книге. – Отцовский палец постучал по абзацу просмотренного текста. – Вот, слушай: «Я всегда нравилась мужчинам. С детства. Может быть, меня и не назовешь красавицей, но шарма во мне хоть отбавляй. Достаточно одного моего призывного взгляда, чтобы любой самовлюбленный самец бросил все свои дела и начал увиваться вокруг меня, как шмель вокруг душистого цветка. Особенно назойливых приходится отшивать с помощью приемов будо-кан, которыми я владею в совершенстве»...

– Прекрати, – попросила Ленка, морщась. – Мне не до шуток. Это серьезно.

– М-м? – удивился Громов. – К твоему сведению, Будо-Кан – это не борьба, а токийский зал воинских искусств и место захоронения национальных героев Японии. А ты говоришь: «Серьезно». Бред сивой кобылы, потревоженной увивающимися вокруг нее шмелями, вот что это такое.

– Не морочь мне голову! – Было заметно, что Ленке ужасно хочется топнуть ногой, но сделать это она не решается. – Ты должен взять меня с собой. Согласен? Отвечай прямо: да или нет?

– Забавно, – пробормотал Громов, углубившийся в чтение другой книжки. – У этой героини тоже нет ни детей, ни мужа, зато поклонников уже только в первой главе сразу двое, один краше другого. Интересно, что они в ней нашли? – Перевернув покетбук, он недоверчиво уставился на портрет писательницы, помещенный на обложке.

– Да или нет?

– Почему бы ей не написать книгу о вкусной и здоровой пище? – продолжал рассуждать вслух Громов.

– Долго ты мне будешь зубы заговаривать?

– Наверняка эта толстуха смыслит в кулинарии больше, чем в криминалистике...

Метнувшись к отцу, Ленка выхватила из его рук книжку и зашвырнула ее в сторону с такой яростью, словно именно в ней крылись источники ее бед.

– Посмотри мне в глаза, – потребовала она. – Ты же знаешь, что я от своего не отступлю. Или мы поедем вместе, или я отправлюсь на поиски Андрюши сама. Других вариантов нет.

Взгляд Громова, устремленный на дочь, сделался скучным-прескучным.

– У тебя стирка, – напомнил он. – Вот и занимайся ею.

– Ты слышал, что я тебе сказала?

– Я слышу, что машинка давно выключилась, а тебе хоть бы хны. Ты неплохой человек, но скверная хозяйка.

– Ладно, – произнесла Ленка с угрозой в голосе, – не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

– Это как? – заинтересовался Громов.

– Очень просто. Сейчас оденусь и поеду в аэропорт. Оттуда вылечу в Казахстан. Одна. А тогда желаю удачи. В Казахстане есть где развернуться. На площади два с половиной миллиона квадратных километров.

Громов взял со стопки новую книгу и раскрыл ее на последней странице. Ленка стояла рядом и не знала, куда деть руки. Куда деть и чем занять себя, тоже не знала.

– Если ты бросишь меня дома одну, я сойду с ума, – тихо сказала она. – Я не могу спать, не могу есть, все валится у меня из рук. Сунула белье в стирку, а порошок засыпать забыла. Стоит мне представить, что я опять сижу у окошка и жду неизвестно чего, как у меня начинается истерика. Перестань издеваться надо мной, папа. Мне и так плохо. Ужасно плохо. Хуже не бывает. – Поколебавшись, Ленка призналась: – Знаешь, это ведь я спроводила Андрюшу в этот подозрительный рейс. Из-за денег. Их всегда не хватает, будь они прокляты. И теперь, если с Андрюшей что-то случилось...

– В Казахстане сейчас опасно, – проворчал Громов, закуривая. – Путешествовать там – все равно что перенестись в средние века. Президент Назарбаев взял да и построил феодализм в отдельно взятой стране. Раньше он был первым секретарем ЦК компартии Казахстана, а теперь стал, по существу, ханом, окруженным верными акимами.

– Кто такие акимы? – спросила Ленка, усаживаясь напротив отца.

– Самые обыкновенные баи. Только живет им нынче вольготнее, чем когда-либо. У каждого настоящий мраморный дворец, свита, гарем, наложницы.

– Что-то не верится. Недавно показывали передачу про Казахстан, так репортер утверждал, что в последнее время там процветает демократия.

– Сифилис с туберкулезом там процветают. – Громов выдул из ноздрей две тугие струи дыма. – Постоянные репрессии против русских, погромы, поджоги, массовые побоища. В городе можно подвергнуться аресту и пыткам, а в каком-нибудь ауле вообще прирежут и имени не спросят. Нищее население вымирает от голода и холода, а миллиарды нефтедолларов перекачиваются на счета назарбаевского клана. – Громов зло докурил сигарету и раздал ее в пепельнице с таким видом, словно это была отвратительная гусеница. – Там полный беспредел, – сказал он, хмурясь, – в некоторых районах даже хуже, чем в Чечне. Не слишком подходящее место для семейных путешествий.

– Но я ведь буду с тобой, – пылко возразила Ленка.

– Вдвоем гораздо опасней, чем одному.

– А мне плевать!

– Все будут против нас, даже те, которые будут улыбаться нам в глаза, пряча за спиной...

– Плевать!

– Пряча за спиной ножи, – закончил Громов, сердясь на себя за многословие. Когда мужчина пускается в длинные объяснения, он демонстрирует свою нерешительность. А женщины этим пользуются. Нелюбимые жены и любимые дочери. Ты твердо говоришь «нет», а потом послушно плясешь под их дудку, и то, что твое лицо сохраняет независимое выражение, ничего не меняет.

– Папа, – прошептала Ленка, – пожалуйста.

Громов покосился на ее кулачки, прижатые к груди. Казалось, костяшки пальцев вот-вот прорвут натянутую до предела кожу.

– Иди достирывай, – буркнул он, вставая и отворачиваясь к окну, – пока есть время.

– Это значит...

– Это ничего не значит, – отрезал Громов. – Сначала я повидаюсь с Чуркиной, а там видно будет.

– Спасибо, папочка!

Услышав бойкий перестук пяток дочери, метнувшейся по коридору в ванную, он покачал головой и усмехнулся. Закрыв глаза, было легко представить Ленку совсем маленькой. Они собираются в кино, в зоопарк или в планетарий.

Улыбка сползла с губ Громова, когда он вспомнил, что отправляются они не развлекаться, а искать Ленкиного мужа, пропавшего без вести. В Казахстан, к черту на кулички.

– Вот тебе и зоопарк, – прошептал он, натягивая куртку и поднимая воротник, хотя находился пока что не на пронзительном мартовском ветру, а в теплой, уютной квартире своей дочери. Очень взрослой, очень упрямой дочери. Если в ней и сохранилось что-то от прежней Ленки, то это детская вера в чудо. Коль ты отец, то ты должен быть по совместительству и волшебником. Хотя бы для одного-единственного человека на свете. Для своей дочери.

Машинально прикоснувшись к рукоятке пистолета под курткой, Громов направился к двери. Самое удивительное, что при этом он опять улыбался, а причин для этого вроде бы не было, ни одной.

Глава 7

Не ждали

В тридцать три года женщина знает о сексе значительно больше, чем ей того хочется, особенно если она привлекательна и общительна.

Уж кто-кто, а Наталья Чуркина не страдала отсутствием опыта подобного рода, так что удивить ее чем-либо было трудно. Принимая жизнь такой, какой она является на самом деле, она не стала делать трагедию из того, что Игорь Корольков не принадлежит к числу мужчин, которых принято называть неутомимыми любовниками. Когда он разыскал ее и остался ночевать впервые, она была слишком счастлива, чтобы придавать значение таким мелочам, как скомканные половые акты, прерывающиеся на самом интересном месте. Ее бывший одноклассник был щедр, богат, почти равнодушен к спиртному и, главное, холост. Ничего, что его некогда румяные щеки свесились на манер бульдожьих. Плевать, что волосы поредели и стали похожими на свалывшуюся паутину. Это был тот самый Игорек, который после выпускного вечера первым расстегнул на Наталье лифчик и признался ей в вечной любви. Разве такое забывается? Кто думает так, тот плохо знает женскую натуру.

Десять лет брака с горьким пьяницей не убили в Наталье стремление любить и быть любимой. Наоборот, осознание того факта, что выписанный из квартиры муж валяется где-нибудь под забором в то время, как она резвится с любовником на брачном ложе, кружило ей голову, заставляя сердце биться сильнее. Наташины глаза сияли от счастья, с ее уст срывались нежные слова, грудь вздымалась, тело трепетало, отзываясь на скупые ласки Королькова. Подобное состояние способны описать лишь авторы сентиментальных романов, которые сами постоянно сияют и трепещут. Они же хорошо знают, какой мучительной бывает разлука влюбленных. И какая это радость – каждая новая встреча.

Корольков возвратился в Курганск через каких-то полторы недели после отъезда и, пряча глаза, признался Наталье, что не мыслит без нее своего дальнейшего существования. Его левая щека при этом нервно подергивалась. Нынче он бродил по чуркинской квартире в одних носках, проверяя, насколько плотно задернуты шторы на окнах, и глухо бубнил:

– О том, что я у тебя, не должна знать ни одна живая душа, слышишь?

– Ты уже сотый раз это повторяешь, – напомнила Наталья. Она только что возвратилась из ванной, где завершила одно небольшое дельце, не доведенное любовником до конца, и теперь испытывала приятную расслабленность.

– Повторение – мать учения, – сказал Корольков, принимая позу аиста, чтобы хорошенько почесать одну ногу об другую.

– А почему такая секретность? – спросила Наталья. «Смотря что повторять и как», – подумала она при этом, но высказывать мысли вслух не стала. Взрослая женщина в состоянии решать свои проблемы самостоятельно. Все, кроме финансовых.

Корольков поднял вторую ногу, почесал ее тоже и загадочно произнес:

– На то есть причины.

– Может, ты иностранный шпион?

– Агент национальной безопасности. – Щека Королькова дернулась. – Нужно только не бриться пару недель, и все – готов к выполнению любых заданий.

– А если без шуток? – спросила Наталья, укладываясь на кровать в классическую позу рембрандтовской Данаи. Живот у нее пока что раздался не настолько, чтобы его прятать, а грудь была именно такой, какую не стыдно выставлять напоказ. У нее были глаза сытой кошки, наблюдающей за прохаживающимся поблизости голубем. Кончики ушей, проглядывающие сквозь каштановые волосы, малиново светились.

Корольков вперил взгляд в ее пупок и спросил:

– Ты действительно хочешь знать правду?

– Конечно. Ты ведь мне не чужой.

Наталья погладила себя по животу.

– Ты мне тоже, – сказал Корольков, отводя глаза в сторону. – Между близкими людьми не должно быть никаких недоговоренностей, никаких тайн. – Придерживая непослушную щеку рукой, он криво усмехнулся.

– У тебя есть тайны? – оживилась Наталья.

– Не от тебя. Если, конечно, у нас все серьезно.

– Серьезно. – Это было произнесено без запинки. – Очень.

– Все радости и горести пополам, так?

– А как же иначе? – удивилась Наталья. В ее непринужденной позе появилась некоторая скованность.

Корольков вновь затеял хождение вокруг стола, отрывисто говоря:

– Я очень богатый человек, Наташенька, но вынужден скрывать это. Ты сама знаешь, какой бардак творится в стране. Стоит кому-нибудь совершить удачную сделку, как вокруг начинают увиваться налоговики, обэповцы, бандиты.

– Как стервятники, – подсказала Наталья сочувственным тоном.

– Хуже. Настоящие гиены без страха и упрека. И все они хотят урвать свой кусок, все они жаждут моей кровушки.

– Может быть, ты преувеличиваешь?

– Ха-ха-ха! – воскликнул Корольков утробным голосом актера, изображающего демона на сцене провинциального театра. – Посмотри любую сводку криминальной хроники. Того предпринимателя взорвали, этого застрелили...

– Да, – встрепенулась Наталья. – Недавно показывали передачу про одного московского бизнесмена, который влез в долги и попытался скрыться. Так его подстерегли в подъезде дома, где он прятался у сожительницы, и расстреляли из автомата. Прямо возле двери, представляешь? Дверь – в щепки, на полу лужа крови. Бедная женщина...

– Так это была женщина? – Корольков застыл посреди комнаты, едва не задев макушкой люстру. – А фамилию ты случайно не помнишь?

– Чью фамилию?

– Предпринимательницы, которую ухлопали в подъезде.

– При чем тут предпринимательница? – удивилась Наталья. – Это мужчина был, солидный, довольно упитанный. Кровищи из него натекло, ужас!

– О какой же бедной женщине ты говорила?

– О его сожительнице. Можно только догадываться, что она пережила. Сидишь себе дома, ни о чем таком не думаешь, и вдруг – тра-та-та-та! – выпалила Наталья, после чего покачала головой: – С ума сойти можно.

Вздрогнувший Корольков забежал по комнате, хотя в одних носках смотрелся не таким уж завзятым спортсменом. Глаза у него были совершенно пустые и незрячие, как нарисованные. Наблюдать за ним было не слишком приятно. Наталья села на кровати, сделавшись похожей на огромную бледную лягушку, встревоженную близкой опасностью. Ощущая тревожный холодок, ползущий вдоль позвоночника, она напряженно поинтересовалась:

– Послушай, Игорек, а ты сам не...

– Нет! – выкрикнул он, едва не выпрыгнув из своих носков. – Я никому ничего не должен! Никто не может мне предъявить даже такой малости!

Он продемонстрировал Наталье кончик мизинца, а она машинально перевела взгляд ниже, где имелось кое-что посущественнее пальца. Не намного, но все-таки...

– Иди ко мне, – позвала она с неожиданно прорезавшейся хрипотцой в голосе. – Не надо думать о плохом. Теперь мы вместе, я тебе верю, и это главное.

– Да, это главное, – откликнулся Корольков эхом. – Скоро все утрясется, и мы уедем отсюда к чертовой бабушке.

– Не хочу к чертовой бабушке, – проворковала Наталья, проворно переворачиваясь на спину, чтобы раскрыть объятия любимому. – Лучше в Сочи или в Ялту. Конечно, – оговори-лась она, – если тебе средства позволят.

– Позволят. Средства – они не бандиты с автоматами, – пошутил Корольков, улыбаясь половиной лица. Другая щека, на которую никак не желала наползть улыбка, то подергива-лась, то окаменевала.

С этой кривой гримасой он и навалился на Наталью, а она поспешно зажмурилась, представляя себе прежнего Игорька – милого светловолосого мальчика, который непременно догадался бы снять носки, прежде чем овладеть ею.

* * *

Уже вечерело, когда Наталья Чуркина вышла из магазина с двумя пакетами, под завязку набитыми провизией. Она уж и думать забыла, когда в последний раз покупала столько вся-ких вкусностей. Ручки пакетов опасно пружинили при ходьбе, норовя оборваться на каждом шагу. Денег, выданных Корольковым, хватило на все, о чем можно было только мечтать. В пакетах громоздились как попало сыры и колбасы, консервированные мидии и грибы, соки и спиртные напитки, кофе и кетчупы, мороженая лососина, парная говядина, свиная вырезка. Когда поверх всего этого изобилия были уложены белые батоны и буханка бородинского хлеба, Наталья вспомнила, что не купила фрукты, однако у нее было только две руки и только два пакета, так что пришлось умерить амбиции.

Но в следующий раз, размышляла на ходу Наталья, нужно будет непременно купить авокадо, креветок, салат и маслины. Укроп, чтобы посыпать им креветки, дома имеется, сли-вочный соус приготовить несложно. Получится настоящий французский салат, рецепт кото-рого Наталья недавно вычитала в воскресном приложении к «Курганской правде». Главное – не забыть сдобрить все уксусом и оливковым маслом и украсить каждый разрезанный плод авокадо маленькой маслиной.

Это будет романтический ужин при свечах, озвученный томными серенадами Хулио Иглесиаса. Наталья наденет декольтированное платье с блестками, которое осталось от луч-ших времен. Духи, украшения и никакого белья. Главное – накрошить в салат побольше укропа, от которого, говорят, здорово улучшается мужская потенция. Половой гигант из Игорька все равно не получится, но, может быть, по второму разу его хватит хотя бы на десять минут. Этого будет вполне достаточно, если постараться как следует.

Ощущая приятное томление в нижней части живота, Наталья остановилась на краю тротуара, пережидая сплошной поток машин. Очень скоро и она будет сидеть в одной из них, равнодушно поглядывая на унылых пешеходов. Скорее всего Игорек действительно богат. В его бумажнике хранится целый набор кредитных карточек, он носит ирландский свитер ручной вязки, золотые механические часы на кожаном ремешке и прикуривает белые сигареты «Давидовф» от платиновой зажигалки «Ронсон». А то, что у Игорька нервный тик, не страшно. У мужа Феди щека не дергалась, но он никогда не дарил Наталье помаду «Ив Сен-Лоран» в бархатном футляре. Вечно длинноволосый, вечно бородатый, вечно пьяный – потомственный русский интеллигент с порченными зубами, терзаемый вечными вопросами: «Что делать? Кто виноват? Как нам обустроить Россию?»

«Слава богу, этот кошмар давно позади», – сказала себе Наталья, пересекая улицу трус-цой. Светофоры в центре Курганска отрегулированы так, что зевать некогда. Автомоби-ли-

стам – зеленая улица, пешеходам – считанные секунды на перебежки. Да и тротуары давно заполонили иномарки, свирепо рыкающие на всякую ходячую шушваль. Ходить пешком стало стыдно и неудобно. Даже если пакеты в твоих руках набиты гастрономическими деликатесами.

Постанывая от тяжести, Наталья миновала арку и вошла во двор, наполненный миазмами оттаявших мусорных куч. Старушки, не имеющие возможности собираться на мокрых сырых лавках у подъездов, маячили за окнами, похожие на больших нахохлившихся птиц, разучившихся летать. Идти под их взглядами было зябко и неприятно.

На раскисшей детской площадке неподалеку от Натальиногo подъезда стоял джип, такой грязный, словно он уже не первый день колесил по бездорожью. Оба его седока одновременно устались на приближающуюся Наталью и так же одновременно отвели глаза в сторону. А когда она прошла мимо, их взгляды вновь скрестились на ее спине. Ощущение было не из приятных. Одно дело, когда мужики разглядывают женские ноги. Совсем другое дело, когда их глаза буравят тебе спину, затрудняя твою походку и заставляя спотыкаться на ровном месте. В свой подъезд Наталья ввалилась с облегчением, хотя лифт здесь не работал вторую неделю подряд, а в темных углах скопились подозрительного вида лужицы, при одном взгляде на которые хотелось гадливо передернуться.

Перешагнув через одну из них, она наступила каблуком то ли на жевательную резинку, то ли на презерватив и тихонько выругалась. Скорее бы лето, когда гоп-компании, тусующиеся по подъездам, переместятся во дворы и скверы. После них лужи, одноразовые шприцы и неприличные рисунки на стенах, как в общественном туалете. Легче смириться с соседством целого семейства павианов, чем с постоянным присутствием подростков, ширияющихся и трахающихся так непринужденно, словно они только для этого и появились на свет. Какое счастье, что сегодня не видно их злобных глаз, поблескивающих в полумраке! Павианы и бабуины – просто милые зверюшки в сравнении с некоторыми человеческими особями. И это еще большой вопрос, кто от кого произошел.

Стараясь не смотреть по сторонам, быстро пересчитывая ногами ступени и задыхаясь, Наталья наконец добралась до своей квартиры, где осторожно установила пакеты рядом с металлической дверью. Поскольку Игорек предупредил, что на звонки отзываться не станет, она воспользовалась своими ключами и, открыв поочередно оба замка, облегченно перевела дух: вот почти и дома, осталось лишь перешагнуть порог и захлопнуть за собой дверь.

– Уф, слава тебе, господи... – Наталья наклонилась за пакетами, когда какое-то движение за спиной заставило ее резко обернуться.

На верхней лестничной площадке стоял незнакомый мужчина в кожаной куртке, глаза которого были такими светлыми, а взгляд таким пристальным, что у Натальи моментально ослабли коленки. В тот момент, когда она распрямилась, намереваясь поскорее шмыгнуть в квартиру, мужчина молча прыгнул вперед. Он пронесся над лестничным пролетом бесшумной черной тенью, приземлился и, опережая ухнувшее подъездное эхо, совершил еще один прыжок – в направлении обмершей Натальи.

Кажется, от неожиданности она издала неприличный звук, хотя утверждать этого с уверенностью было нельзя. Какая, к чертям собачьим, уверенность, когда тебя хватают за плечо и заталкивают в собственную квартиру с такой небрежностью, будто ты не статная женщина тридцати трех лет от роду, а никчемная кукла, которая и простенькое-то словечко «мама» не в состоянии произнести отчетливо. Что-то вроде сдавленного мяуканья – вот и все, на что оказалась способной Наталья. Зато голос мужчины был абсолютно ровным и невозмутимым. Словно это не он только что сиганул сразу через четырнадцать ступеней.

– Добрый вечер. Извините, что без приглашения. Но дело срочное, не терпящее отлагательств.

Он занес в квартиру пакеты с провизией, аккуратно поставил их на тумбочку, захлопнул за собой дверь и пошел на Наталью, вынуждая ее пятиться по коридору.

– Вы... – лепетала она, – вы... вы...

– Сейчас речь не обо мне. – Мужчина протестуя поднял руку. – О вас. Вернее, о вашем однокласснике Королькове. Он ведь недавно навещал вас, верно?

– Я закричу, – предупредила Наталья, продолжая отступать в направлении гостиной.

– Завидное самообладание. – Бровь незнакомца уважительно приподнялась. – Большинство женщин на вашем месте просто уписались бы от страха, а вы – кричать. Но, прошу вас, сначала подумайте о возможных последствиях, ладно?

– А-а-а! – это абсолютно не напоминало зов о помощи. Просто сиплый звук, который вырвался у Натальи даже не из горла, а откуда-то из живота, хотя прежде она не упражнялась в чревовещании. Сделав еще один шагок назад, она зацепилась каблуком за задранный край линолеума и с размаху села на пол, готовясь к самому худшему.

Помощь пришла оттуда, откуда ее никто не ждал, – из ванной комнаты, дверь которой выходила в коридор. Корольков, распахнувший ее ударом ноги, стоял на пороге, почти такой же белый, как кафель за его спиной. В коридоре было почти темно, а в ванной горел свет, и его фигура отчетливо выделялась на фоне прямоугольного проема. В одной руке он сжимал пистолет, а в другой – расческу, которую не сообразил бросить. Из-за судорожных подергиваний щеки казалось, что он беспрестанно подмигивает, хотя в тоне его не было ни малейшего намека на шутиливость:

– Стой, где стоишь! Не двигайся! Руки вверх!

– Так поднять руки или все же не двигаться? – спросил мужчина, продолжая медленно идти по коридору.

– Стоять! – заорал Корольков, слегка подавшись назад.

Вместо того чтобы послушно замереть на месте, мужчина пнул открытую дверь и тут же ринулся к ней, чтобы распахнуть ее снова.

Сидящей на полу Наталье почудилось, что по коридору пронесся ураган. Вытащенный из ванной Корольков предстал перед ней уже без пистолета и даже без расчески, но с расквашенным дверью носом и такой растрепанный, словно его пару раз провернули в центрифуге стиральной машины. Когда мужчина с размаху приложил его об стену коридора, он охнул, а получив кулаком по печени, ахнул, после чего эти охи и ахи длились еще несколько секунд, становясь все глуше и глуше. Кончилось тем, что он опустился на пол рядом с Натальей, но в сидячем положении не удержался, а опрокинулся навзничь, слабо пошевелил ногами и замер.

– Игорек, – всхлипнула Наталья, подползая к любовнику, – ты жив, Игоречек? Что с тобой?

– Да жив он, жив, – буркнул мужчина. – От пары оплеух еще никто не умирал.

– Вы зверь, – воскликнула Наталья, переведя взгляд на порванные колготки. – Вы настоящий зверь. За что вы его так?

– Между прочим, ваш дружок целился в меня из пистолета, если вы помните о такой мелочи.

– Но ведь вы ворвались в чужой дом!

– На то были причины, – сказал мужчина, пряча под куртку подобранный в ванной оружие. После чего тронул Королькова ногой и предложил: – Вставай, жук-притворяшка. Нечего тут комедию ломать.

Наталья недоверчиво посмотрела на Королькова. Бледный, окровавленный, он никак не походил на симулянта. Тем не менее, получив более ощутимый пинок, он приоткрыл один глаз и вполне осмысленно спросил:

– Кто вы такой?

– Моя фамилия Громов, – представился мужчина.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Муж моей дочери уехал в Казахстан с твоим грузом. Ты ведь бизнесмен по фамилии Корольков, верно? Я хочу задать тебе несколько вопросов.

– Для этого нужно было обязательно кулаком в морду?

– А как же? – искренне удивился Громов. – Я ведь хочу услышать правду, а не сказки дядюшки Римуса. Возможно, ты сейчас очень жалеешь о том, что остался у одноклассницы, но лично я этому обстоятельству очень рад. И намереваюсь использовать ситуацию с максимальной выгодой.

– Вот я сейчас позвоню куда следует, так будет вам максимальная выгода, – пообещала поднявшаяся на ноги Наталья. Покосившись на свои безнадежно испорченные колготки, она решила, что ей терять нечего, и метнулась по коридору в прихожую.

Громов не сделал ни малейшей попытки помешать ей подбежать к телефону, дождался, пока она поднесет к уху трубку, и лишь потом сказал:

– Милиция прибудет на место преступления минут через десять, не раньше. Этого времени будет вполне достаточно, чтобы открутить вам обоим головы, а самому скрыться. И это не блеф. Я пока начну с твоего дружка, а ты звони.

– Не надо! – поспешно крикнул Корольков, вздернутый за шиворот так легко, словно был пятилетним карапузом, а не взрослым мужчиной с наметившимся брюшком. – Обойдемся без милиции!

Наталья поспешно положила трубку и замерла, не зная, что делать дальше.

– Пригласите-ка нас в комнату, – предложил Громов. – Выпивать за знакомство мы не собираемся, закусывать – тем более, так что мое присутствие вас не обременит.

– Надеюсь, – буркнула Наталья. Проходя мимо ванной, она опасливо покосилась на кровавую кляксу, оставшуюся на поверхности двери, и добавила про себя: «Очень надеюсь».

* * *

Сначала Королькова раздражал собственный гнусавый голос, но вскоре кровотечение из носа прекратилось, и необходимость зажимать ноздрю пальцем отпала. Щека подергиваться перестала, в голове прояснялось. Вот если бы еще этот проклятый Громов убрал шнур, которым рассеянно поигрывал на протяжении всей беседы, то стало бы совсем хорошо. Не так, как на седьмом небе, но все же лучше, чем в сложившейся ситуации.

Громов, по-видимому, считал иначе.

Усадив Наталью и Королькова перед собой, он первым делом взял настольную лампу, оторвал от нее шнур и принялся зачищать раздвоенный конец перочинным ножом. На тревожный вопрос, что он затевает, Громов пояснил, что если штепсель воткнуть в розетку, а оголенные концы провода приставить хотя бы к ушам Королькова, то того ждет весьма неприятный сюрприз в виде электрического шока. Наталья, имевшая в школе твердую пятерку по физике, неуверенно предположила, что опасный опыт Громова приведет к короткому замыканию, на что он ответил:

– Возможно. Но я умею причинять боль и без электричества. Существует масса способов. Кое-какие мне довелось испытать на себе, и, признаюсь, это не те воспоминания, которые хочется сохранять всю оставшуюся жизнь.

– Разве я сказал, что отказываюсь отвечать на ваши вопросы? – воскликнул Корольков почти таким же звонким голосом, каким разговаривал в далекой юности на заседаниях комсомольского бюро.

– Пока что нет, – согласился Громов, – но кто знает, что взбрдет тебе в голову в следующую минуту? Лучше перестраховаться, м-м?

Корольков кивнул, хотя вовсе не был согласен с оппонентом. Спорить ему не хотелось. Стоило лишь взглянуть в глаза Громова, чтобы поостеречься перечить ему лишний раз. Холодные, как два кусочка льда, и такие же прозрачные, они ловили каждое движение присутствующих. Глаза опасного безумца. У Королькова не было ни малейшего желания узнать, какими они могут стать во время вспышки ярости. Поэтому на протяжении последующих десяти минут он послушно отвечал на задаваемые вопросы и с нетерпением ждал, когда же этот ясноглазый Громов уберется восвояси.

– Вот и все, что мне известно, – сказал он, поджимая ноги под диван, на котором сидел. – Не знаю почему, но машины до пункта назначения не дошли. Теперь мне, как и вам, остается лишь ждать и гадать, чем все закончится.

– Это занятие больше подходит для беременных женщин, которым нечем себя занять, – возразил Громов, закуривая. – Лично я предпочитаю действовать.

– Так действуйте, – сердито предложила Наталья. – Только где-нибудь за пределами моей квартиры, пожалуйста.

– С удовольствием, но для этого не хватает информации. Ваш одноклассник решил отделаться общими фразами, которые мало чего стоят. – Шнур в руках Громова свился в петлю. – Наверное, в детстве он мечтал о карьере дипломата.

– Неправда, – сказал Корольков, прочищая пересохшую глотку короткими покашливаниями. – Я вовсе не мечтал о карьере дипломата. И я открыл перед вами все свои карты.

– Даже те, которые в рукаве?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Человеческий мозг, – сказал Громов, любуясь петлей в своих руках, – очень капризная штука. Лишенный притока кислорода, он претерпевает необратимые изменения.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Чтобы помочь тебе правильно оценить свое положение. Стоит пережать тебе сонную артерию, и через некоторое время ты превратишься в законченного идиота, не способного связать пару слов. Вот тогда ты действительно забудешь все то, что сейчас недоговариваешь. Но нужно ли тебе это?

– Нет. – Корольков помотал головой так энергично, что с кончика его носа сорвалась капелька загустевшей крови. – Лучше уж быть дипломатом, чем идиотом.

– Разумно, – кивнул Громов. – Тогда начнем сначала... Итак, ты выкупил у Яртышникова три «КрАЗа», которые должны были доставить некий груз на границу между Казахстаном и Узбекистаном. Якобы запчасти для буровых...

– И солярка.

– Хм, пусть будет солярка. Колонну сопровождали двое твоих людей. Бандиты?

– Ну, как вам сказать, – засмущался Корольков. – Сейчас такие времена, что...

– Про времена не надо, – остановил его Громов, – давай по существу. Какой марки была легковая машина?

– Они выехали в «Жигулях» шестой модели, – Корольков без запинки назвал номер. – Машина старенькая, но надежная. К тому же она не привлекает внимание, согласны?

– Маршрут? – спросил Громов, успевший свить шнур в тугую жгут.

– Тамбов, Саратов, Самара, затем Оренбург... Мои люди должны были провести колонну мимо таможенного поста, – Корольков говорил все быстрее и быстрее, как ученик, выучивший урок на «отлично» и рассчитывающий на поощрительную улыбку преподавателя. – Протяженность границы России с Казахстаном составляет 1800 километров, но она никак не обозначена, а охраняют ее человек сто. Там нет ни колючей проволоки, ни пограничных столбов, ни контрольно-следовой полосы. Голая степь, по которой рыскают мобильные дозоры. – Корольков хихикнул: – Вернее, должны рыскать. На самом деле пограницы продают бензин налево, а сами сидят в укромных местечках и хлещут водку, самогон, спирт

все, что удастся раздобыть в этой глуши. Знающие люди говорили мне, что через таможенный пост проходит лишь одна машина из ста, да и то пустая.

– И что же, – заинтересовался Громов, – там много объездных дорог?

– Зачем много? Сворачивай в степь и дуй напрямик. – Корольков рубанул рукой воздух. – Считается, что удобней всего пересекать границу часа в четыре утра. Тишь да гладь, да божья благодать. – Он затрясся от смеха, радуясь тому обстоятельству, что собеседник перестал рассказывать ему про электрический шок и передавленные сонные артерии. – Думаю, водители «КрАЗов» именно так и поступили, потому что на посту их никто не видел. Рванули через границу – и на Кентау. Их должны были встречать неподалеку от Чик... Чимкента и сопровождать дальше. Оттуда до узбекской границы рукой подать.

– Сколько времени должна была занять дорога? Дней пять?

– Три-четыре. Плюс пару дней на непредвиденные обстоятельства. Тот обломался, у этого понос. Сами знаете, какой у нас народ. Лишь бы сачковать, лишь бы бить баклуши. Для праздника любой повод сгодится.

– Но в конечном пункте водители не появились, – заключил Громов.

Это было произнесено с такой интонацией, что похохатывания Королькова сменились натужным кашлем.

– Не появились, – скорбно подтвердил он, – чертовы шоферюги! А ведь все, что от них требовалось, так это сменять друг друга через каждые четыре часа и воздерживаться от спиртного, пока они не сядут в поезд, чтобы отправиться домой.

– Тут-то и начинается самое интересное, – заметил Громов, гася сигарету в пепельнице. – Сначала ты покупаешь грузовики, совершенно не интересуясь их техническим состоянием. Потом бросаешь их на границе с Узбекистаном...

– Мне за них заплатили, – поторопился сообщить Корольков. – Я ничего не потерял.

– Кроме чувства меры.

– Что?

– Чувство меры. Совершенно необходимое условие для того, чтобы выдумка звучала убедительно.

– Почему выдумка? Я правду говорю. – Пальцы Королькова впились в сведенные вместе ладони.

– «КрАЗы», отправленные за тридевять земель, обошлись тебе дороже, чем сам груз. – Громов растянул перед собой сложенный вдвое шнур и натянул его, как бы пробуя на прочность. – Это наводит меня на мысль, что в ящиках хранилось нечто гораздо более ценное, чем запчасти. Ты темнишь, Игорек. И у тебя осталось совсем немного времени для того, чтобы рассказать правду.

– Послушайте, вы! – не выдержала безмолвствовавшая до сих пор Наталья. – Хватит нам угрожать. И прекратите хамить. Ведете себя как... – Она запнулась, подыскивая подходящее сравнение. – Как прокурор на допросе. Ни стыда, ни совести.

– Прокуроры допросов не ведут, – сказал Громов, – но в общем-то вы затронули актуальную тему, гражданин Чуркина. Какой стыд, какая совесть? Ваш одноклассник – отпетый преступник, по которому тюрьма плачет. Укрывая его, вы являетесь его сообщницей. Так что церемониться с вами я не собираюсь. – Отшвырнув шнур, он извлек из-за пазухи трофейный пистолет, почесал стволом подбородок и задумчиво произнес: – Пожалуй, я больше не стану задавать вопросов. В принципе, не имеет особого значения, что именно находилось в грузовиках – оружие или какие-нибудь радиоактивные отходы. Главное, что водителей подставили.

– Никто их не подставлял, – выкрикнул Корольков, завороченно глядя в направленный на него ствол. – Да, они перевозили контрабанду. Но я первый был заинтересован в том,

чтобы груз попал по назначению. Если бы вы знали, в какую неприятную историю я попал по милости этой шоферни!

– Не знаю и знать не хочу, – равнодушно произнес Громов. – Лучше скажи, что за контрабанда находилась в ящиках?

– Оружие. Автоматы, зенитные пулеметы, винтовки, гранатометы, боеприпасы. – Корольков шумно сглотнул слюну. – Всего на полтора миллиона долларов. Вернее, мои люди, те, которые сопровождали колонну, должны были получить партию героина на эту сумму и доставить его в Москву. Самое страшное, что за героин мне заплатили вперед.

– Самое страшное, что существуют ублюдки вроде тебя, торгующие оружием и наркотиками, – монотонно произнес Громов и прищурился. – Водители знали, что именно везут, м-м?

– Боже упаси!

– Только бога сюда приплетать не надо. Это наши проблемы, человеческие. – Большой палец Громова взвел пистолетный курок, указательный сдвинул флажок предохранителя.

– Этого не надо, – попросил Корольков незнакомым блеющим голосом. – Не надо этого.

– Да что здесь происходит, в конце концов! – опомнилась Наталья. – Не вмешивайте меня в свои грязные делишки! Немедленно убирайтесь из моего дома! Оба!

Впервые в жизни она подумала, что быть замужем за алкоголиком не так уж плохо. Ни один самый жесточайший запой Феди не сулил ей столько неприятностей, сколько появление трезвого, опрятного и состоятельного Игоря Королькова. Гранатометы, героин, долг в полтора миллиона долларов... Это было уже чересчур. Одно дело, когда деньги зарабатываются на банковских махинациях, просроченных лекарствах или тухлых окорочках. Совсем другое, если от них пахнет откровенной уголовщиной. Поднявшись во весь рост, Наталья гневно указала на дверь:

– Вон!

Громов не удостоил ее внимания, лишь двинул вперед журнальный столик, отделявший его от собеседников. Получив ощутимый удар по коленным чашечкам, ойкнувшая Наталья была вынуждена сесть на диван, с которого так поспешно вскочила. Игнорируя ее возмущенное шипение по поводу ушибленных коленок, Громов мрачно спросил у Королькова:

– Ну, деятель? Тебе есть, что еще сказать? Или пора подводить черту?

Корольков чуть не задохнулся:

– Никакой черты подводить не надо. Я сам себя наказал. Серьезные, очень серьезные люди сделали предоплату. На их деньги был приобретен товар и организована перевозка. Но произошел сбой, я свои обязательства не выполнил, а за это карают строго. Теперь меня ищут. С меня голову снимут, когда найдут.

– И правильно сделают, – убежденно сказал Громов. – Ты знаешь, сколько в стране наркоманов? Сегодня вы скормливаете им дурь, а завтра один из этих зомби пырнет ножом твою мать, чтобы раздобыть денег на очередную дозу.

Корольков понурился. Конечно же, жаль ему было лишь самого себя, но со стороны казалось, что он преисполнен чувством раскаяния. Впрочем, Наталья посмотрела на него без всякого сочувствия.

– Значит, ты мне все врал про удачную сделку! – процедила она обличающим тоном. – Никаких денег у тебя нет. Что же ты мне голову морочил?

– Деньги есть, – засмутился Корольков. – Моя прибыль составила двести пятьдесят тысяч. Чистыми.

– Очень и очень грязными, – возразил Громов.

– Но ты же их вложил в оружие и грузовики, – напомнила Наталья, гнев которой постепенно сменялся здоровым женским любопытством.

– Не все. Только часть суммы. При проведении подобных сделок лучше забирать свою долю сразу, – пояснил Корольков, – что я и сделал. Деньги хранятся на моих банковских счетах. Кстати, я готов возместить, гм... моральный ущерб.

Громов, на которого он взглянул с надеждой, недобро усмехнулся:

– Кому? Каким образом? Если заставить тебя возмещать ущерб, который ты нанес человечеству, то тебе десяти жизней не хватит, гаденыш. А она у тебя всего одна. И, сдаётся мне, короткая.

– Послушайте, – Корольков молитвенно прижал руки к груди, явно не зная, что говорить дальше, – послушайте...

– Почему водителям было велено возвращаться домой своим ходом? – спросил Громов, целясь Королькову куда-то между ног. – Почему ты решил бросить выкупленные грузовики? Тридцать тысяч долларов на дороге не валяются, м-м?

– Таково было условие заказчиков, – пробормотал Корольков, прикрывая ладонями пах. – Они сказали, что это сведет риск к минимуму.

– Чей?

– Ну, наш, общий... Чей же ещё?

– Дурья твоя башка, – усмехнулся Громов, неожиданно пряча пистолет под куртку.

– Ох и балбес, – поддакнула Наталья, качая головой. – Я была о тебе лучшего мнения.

– Не понял, – Корольков захлопал глазами, переводя растерянный взгляд с одного собеседника на другого.

– А ты подумай, – посоветовал Громов. – Напряги извилины.

– Напряг. И что?

– Твои же так называемые партнеры и перехватили груз, – не выдержала Наталья, ударя кулаком по дивану. – Ты им маршрут обрисовывал?

– Разумеется. Они хотели знать, насколько хорошо организована операция.

– Они дождались колонну, – сказала Наталья, – высадили водителей посреди степи, а «КамАЗы»...

– «КрАЗы», – машинально поправил подругу Корольков.

– А «КрАЗы» с оружием угнали. Теперь ты должен им полтора миллиона...

– Миллион двести пятьдесят.

– Полтора, а то и два, – возразил Громов. – «Счетчик» включен.

– Ничего не понимаю, – жалобно признался Корольков, ероша волосы.

– А что тут понимать? Оружие давно продано или обменено на героин без твоего посредничества. В том же Чимкенте, где появление машин с курганскими номерами не могло пройти незамеченным. Тебя же, великий комбинатор, будут доить. – Громов усмехнулся. – Рано или поздно найдут, изловят, посадят в подвал, станут пытать. У тебя ведь небось, на счетах хранятся не только эти двести пятьдесят тысяч? Еще какие-нибудь сбережения имеются?

– Предположим, – уклончиво ответил Корольков.

– Вот все нажитое своим благодетелям и отдашь. А потом тебя удавят. Или утопят, что по большому счету ничего не меняет.

– Но за что?

– За то, что ты лох, – жестко сказал Громов. – Именно так тебя классифицируют твои заказчики. Посчитай-ка, насколько дешевле обойдется им героин без твоего участия. Ты лишнее звено в цепочке. От тебя избавятся. Возможно, за тобой следили с самого начала и теперь только ждут удобного момента. Или методично обыскивают все места, где ты можешь скрываться. Так что готовься к дороге домой. В багажнике бандитской иномарки.

– Погодите, – занервничала Наталья. – Вы хотите сказать, что за моей квартирой установлена слежка? Когда я возвращалась домой, возле подъезда стоял какой-то подозрительный джип. Лиц пассажиров не разглядеть, номера заляпаны грязью...

– Значит, ждите новых гостей. Но меня это не касается. Я ухожу.

– Я готов сообщить вам координаты своих партнеров, – залепетал Корольков, семена за направившимся в прихожую Грозовым. – Это братья Рубинчики. Мерзавцы, отпетые уголовники. У них в Москве своя мебельная фирма, но это только прикрытие.

– Адрес.

– У меня есть их визитки.

– Давай их сюда. – Громов протянул руку и стоял так, пока москвич бегал за визитными карточками, а потом небрежно сунул их в карман и снова шагнул в направлении двери.

– Эй, хотя бы пистолет верните!

Корольков чуть не плакал. До сих пор ему казалось, что все уладится. Но, услышав про подозрительный джип во дворе, он вдруг очень отчетливо представил себе, что ожидает его в самом ближайшем будущем. Вот он, избитый и связанный, лежит на бетонном полу, а склонившиеся над ним Рубинчики насмешливо спрашивают: «Ну что, барыга, оклемался? Когда должок собираешься отдавать?» Скорее всего, эта сцена произойдет в столярном цехе, где имеется несколько циркулярных пил. Там не шибко потрепыхаешься. Распилят на куски и разбросают по округе. Неужели это может произойти с ним, Корольковым?

– Пистолет, – взмолился он, конвульсивно хватаясь за рукав громовской кожанки.

– Ты способен убить человека? – холодно осведомился Громов. – Готов защищать свою жизнь с оружием в руках? Тогда тебя ждет тюрьма.

– И зона, – мстительно добавила Наталья, успевшая распрощаться с мечтами отдохнуть на Черноморском побережье.

– До зоны он не доживет. Слишком слабый и трусливый. Дешевка.

– А строил тут из себя неизвестно кого... Расхаживал по квартире в одних носках и похвалялся: «Я теперь богатый, я независимый...»

О Королькове говорили так, словно его уже не было. Но он был, он существовал, и он ужасно хотел жить – такой маленький, такой слабый человек в таком огромном, в таком жестоком мире.

– Останьтесь, прошу вас, – это было произнесено едва слышным шепотом, но Громов, уже взявшийся за ручку двери, обернулся.

– Неужели ты полагаешь, что я возьмусь тебя защищать?

– Я заплачу. Я отдам вам треть своих денег... Половину! Только разберитесь с ними. Я же вижу – вы можете.

– В одном из грузовиков ехал мой зять. – Ладонь Громова отбросила Королькова назад. – Шестеро водителей «КрАЗов» плюс двое сопровождающих – это восемь человек. Думаю, их не просто высадили в степи. Боюсь, всех восьмерых расстреляли на месте. И после этого ты рассчитываешь на мое расположение? Будь благодарен, что я не прикончил тебя на месте, засранец.

Наталья закусила губу. Этот сильный и уверенный в себе человек, назвавшийся Грозовым, уходил, а Корольков оставался. Придется либо выставить его за дверь, либо звонить в милицию. Сумеет ли она? Это ведь тот самый Игорек из 10-го А класса СШ № 54. Из-за плохого зрения ему прописали очки, но он их никогда не надевал в школе – стеснялся Натальи. Теперь, наверное, носит контактные линзы. Говорят, когда люди в них плачут, они ничего не видят. А у Игорька на глазах блестят слезы. Как той ночью, когда она позволила ему снять с себя лифчик. Он сказал тогда, что любит ее, что готов за нее умереть. И умрет. Только не за Наташу Чуркину, а из-за нее.

– Подождите, – она тоже взяла Громова за рукав. – Останьтесь, прошу вас. Может быть, ничего страшного не случилось. А если те, из джипа, заявятся ко мне домой, то вы сможете узнать у них судьбу своего зятя.

– Вы принимаете меня за агента 007? Но у меня нет лицензии на убийство. И желания совершать подвиги тоже нет. Я сам по себе. – Видя, что молодая женщина не собирается отпускать его по доброй воле, он осторожно убрал ее руку со своей и сказал уже мягче: – Извините, но я должен спешить.

– В Москву?

Громов покачал головой:

– Нет. Если Андрей жив, то он где-то в Казахстане. А в Москву можно будет наведаться позже. В самом крайнем случае. Я не люблю столицу нашей родины.

– Почему? – вырвалось у Натальи.

– Слишком много таких, как он.

Корольков, на которого показал Громов, почувствовал себя совершеннейшим ничтожеством. Почти полумиллионное состояние, отличная квартира на Тверской, собственный «Порше» и деловые связи – все это потеряло всяческий смысл. От смерти не откупишься, за спинами влиятельных знакомых от нее не спрячешься. Начхать им на Королькова. Он опять отчетливо представил себя на полу столярного цеха. Только теперь его ни о чем не спрашивают и даже не бьют. Потому что уже жужжит-заливается циркулярная пила. А пол вокруг застелен полиэтиленовыми полотнищами. Если немного крови и брызнет мимо, то не беда – повсюду рассыпаны опилки и стружка...

– Вы не можете уйти просто так, – заявила Наталья без особой уверенности в голосе.

– М-м? – удивился Громов. – Почему это я не могу уйти?

– Потому что без вас мы пропадем. Мне тридцать три года. Я не хочу умирать.

По щеке Натальи скатилась слезинка.

– Ч-черт! – выругался Громов. – Немедленно прекратите!

– Я не нарочно. Они сами...

Слезы полились ручьями.

Громов снова выругался и что-то сказал. Корольков не сразу поверил своему счастью, когда до него дошел смысл услышанного. Неужели это правда? Неужели этот человек, глаза которого способны раскаляться от ярости добела, не шутит?

– Простите? – Извиняющаяся гримаса на лице Королькова походила на болезненную. Как будто его ударили обухом по голове, заставив после этого решать самую сложную задачу в жизни. Полученный ответ не укладывался ни в какие рамки. – Простите, – повторил он, – я, кажется, не расслышал....

– Я сказал: собирайтесь и ждите. – Нахмурившийся Громов отвернулся, обращаясь исключительно к стене перед собой. – Вывезу вас отсюда, а потом сами решайте, как жить дальше. Если получится.

– Получится, – пообещал Корольков, метнувшись по коридору в комнату. – Теперь обязательно получится.

Глава 8

Ночное рандеву

Тот, которого звали Брамсом, забросил в рот пригоршню чипсов и пожаловался:

– Неправильные. Нет того хруста.

– Какого хруста? – спросил от нечего делать Чаплыга.

– Фирменного. Как по ящику показывают.

– А, – Чаплыга понимающе кивнул. Лицо у него было совершенно равнодушным, спутлым. Он почти всегда ходил с таким лицом.

– От мастера по ушам ездить! – Брамс укоризненно покачал головой. – Никому верить нельзя.

Они сидели в джипе, сменившем нескольких хозяев. Последний владелец, некто Зубов Д. П., покоился на дне Яузы, а парни ездили в джипе по его генеральной доверенности. За брючными ремнями обоих торчали пистолеты с полными обоймами. Тот, которого звали Брамсом, хрустел неправильными чипсами. Тот, которого звали Чаплыгой, посасывал леденец, отлитый в форме малинового сердечка. В детстве они ходили в один и тот же садик, потом судьба надолго развела их и столкнула вновь лишь двадцать лет спустя, в группировке братьев Рубинчиков. Пустяк, а приятно.

– Помнишь, как мы клад искали? – осклабился Брамс, смахивая крошки с подбородка.

– Клад? – Лоб Чаплыги покрылся рябью продольных морщин.

– Ну да, ёханный бабай. Остальные в песочнице играют, а мы с тобой копаем.

– И что выкопали? – Морщин прибавилось.

– А ни хрена толкового. Железяку какую-то. Воспиталке сказали – мина, ох и перепугалась, коза!

– Вспомнил! У ней дойки были – во! – Оживившийся Чаплыга изобразил руками нечто вроде грандиозного бюста, с которым ни одна женщина не смогла бы сохранять вертикальное положение.

– Откуда ты знаешь? Щупал, что ли? – Челюсти Брамса, только что дробившие чипсы, выжидающе застыли.

– Ты во время тихого часа дрых без задних ног, а я зырил. Воспиталка как бы от жары маялась. Снимет халат и у окна торчит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.